

ДВОЕ В ОБЩЕСТВЕ

ИНТИМНАЯ ПАРА

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Коллектив авторов

Двое в обществе: интимная пара в современном мире

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55604399

Двое в обществе: интимная пара в современном мире: ВЦИОМ; Москва;

2020

ISBN 978-5-9063-4525-7

Аннотация

Книга посвящена важнейшей единице нашей любовной и сексуальной жизни – интимной паре. Более десяти лет профессор Санкт-Петербургского государственного университета Владимир Ильин и его коллеги интервьюировали россиян из разных городов, поколений и общественных слоев на деликатные темы: как они находят друг друга? Почему решают быть вместе? Зачем ревнуют и с кем изменяют? Как относятся к так называемым открытым отношениям и знакомствам в интернете? Отвергают ли коммерческий секс или допускают его полезность хотя бы в определенных случаях? Полученные ответы интерпретируются в духе современных социологических теорий. Авторы приглашают к дискуссии самую широкую читательскую аудиторию, ведь тема близка каждому.

Содержание

Предисловие редакторов	5
Введение	8
Глава 1. Интимная пара как малая группа	33
Глава 2. Возникновение интимной пары	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Двое в обществе: интимная пара в современном мире

Авторский коллектив:

проф., д. социол. н. В. И. Ильин (руководитель, концепция книги),

Ю. А. Афанасьева, М. А. Башмакова, А. А. Евдокимова, А. В. Орловская, С. А. Романенко, О. А. Скиданова, А. В. Сырбо

Научный редактор:

И. В. Ломакин

© Ильин В. И., Афанасьева Ю. А., Башмакова М. А., Евдокимова А. А., Орловская А. В., Романенко С. А., Скиданова О. А., Сырбо А.В., 2020

© АО ВЦИОМ, 2020

Предисловие редакторов

Если бы нас спросили, в чем состоит главная ценность книги Владимира Ильина и его коллег, мы бы непременно ответили: в богатом эмпирическом материале, лежащем в ее основе. А еще она дает уникальную возможность для широкой аудитории читателей познакомиться со многими социологическими теориями и подходами, взглянуть на отношения в паре под новым углом. И заодно убедиться, что мир может быть объяснен очень по-разному, что он изменчив и подвижен, что каждый из нас способен его изменить. Удивительно и безумно интересно читать рассуждения участников первой волны исследования, дававших интервью в конце «нулевых». Сегодня, более десятилетия спустя, многие из их представлений о социальных ролях мужчины и женщины кажутся в чем-то неполиткорректными, а в чем-то и архаичными. Мир в буквальном смысле стал другим!

Обычно при обсуждении интимных отношений в широком публичном пространстве наиболее громкий «экспертный» голос принадлежит практическим психологам или тем, кто себя так называет. Однако любые отношения между людьми, в том числе гендерные, зависят не только от психики участников взаимодействия (их эмоций, переживаний, характеров), но и от общества. Предлагаемая вашему вниманию книга написана социологами, поэтому в фокусе автор-

ского интереса оказались предрассудки, стереотипы, культурные паттерны, ролевые репертуары и другие явления, преимущественно, социального происхождения. Все они составляют условия, в которых человек формируется как личность, с которыми ежедневно сталкивается и на которые ориентируется при организации своей жизни.

Книга «Двое в обществе» многогранна и способна под индивидуальным ракурсом открыться каждому, у кого когда-нибудь были романтические отношения. Ее можно не только с интересом читать, но и столь же увлекательно листать. Вчитываясь в отдельные цитаты, в калейдоскопе личных историй можно узнать себя или посмотреть на мир глазами тех, с кем в повседневной жизни ваши пути никогда бы не пересеклись.

Должны сказать, что коллектив Департамента издательских программ ВЦИОМ прошел непростой путь, готовя «Двое в обществе» к выпуску, ведь книга рождалась и росла у нас на глазах. Мы много и горячо спорили по отдельным вопросам. В итоге оказались в ситуации, когда уместно написать, что мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторского коллектива книги. Это не случайно: у любого автора есть (и должна быть) своя позиция, а у любого читателя есть право согласиться или не согласиться с ней.

Российское общество – и в частности высокообразованная молодежь – сегодня становится особенно рефлексивным к существующему гендерному порядку и даже в чем-то стре-

мится его изменить. Вслед за рядом стран в России наметились ростки низовой заинтересованности в базовых идеях феминизма и феминистской критике патриархата, что можно наблюдать в полемиках в массмедиа, социальных сетях и реальной жизни.

Мы приглашаем читателей к непростому разговору о вещах, обычно скрытых от чужих глаз, и призываем в диалоге с книгой, ее авторами и героями прийти к собственным выводам и суждениям.

Искренне благодарим Анну Кокареву, Дениса Подвойского, Оксану Лисицыну и Ларису Шпаковскую за неоценимую помощь при подготовке издания к печати.

Илья Ломакин, научный редактор,

Анна Кулешова, выпускающий редактор

Введение

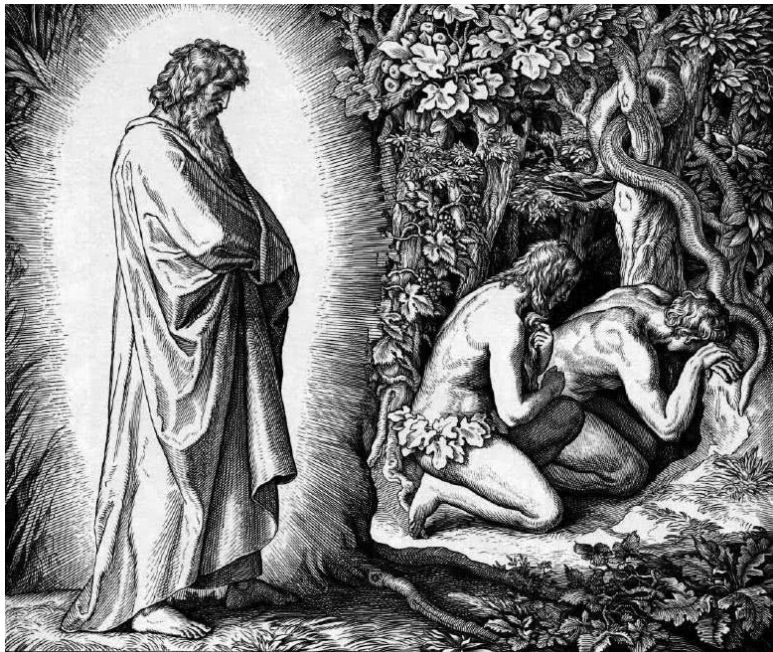
Самый беглый взгляд на повседневную жизнь людей позволит заметить в ней интимные пары. Их увидит даже тот, у кого совершенно отсутствует социологическое воображение: чтобы распознать пару, не нужны специальные знания и навыки. В уличных толпах легко выделить людей, идущих, взявшись за руки или в обнимку, сидящих по двое в кафе; вечерами людские потоки разбредаются по квартирам, в которых многие окажутся за одним столом и в одной постели с другим человеком. Поиски смысла жизни и счастья, материализованные в разговорах, книгах, общении в социальных сетях и походах к психологам, в заметной мере вращаются вокруг поиска подходящего Другого, с кем можно создать интимную пару.

Разумеется, это не означает, что все люди живут попарно. В поведении людей почти нет универсальных законов. Есть только тренды, в том числе и взаимоисключающие. Многие в современном мире выбирают жизнь соло, но это другая тема. Данная книга посвящена только неформальным, то есть не состоящим в официальном браке, интимным парам как мельчайшим единицам социальной структуры.

Философ и социолог Зигмунт Бауман предложил взгляд на современное общество как на «текущую современность». «„Твердая“ современность была эрой взаимных обяза-

тельств. „Жидкая“ современность – это эпоха разъединения, неуловимости, легкого бегства и безнадежного преследования. В „жидкой“ современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения» [Бауман, 2008: 131].

На наших глазах формируется социальная реальность, в которой все постепенно становится относительным, «жидким» и «текучим», непредсказуемым и краткосрочным. Не являются исключением и интимные отношения, что позволяет сместить фокус с темы вечной любви, красной нитью проходящей через всю историю культуры человечества, на «текущую любовь» [Bauman, 2003]. Нам представляется удачным анализ процессов возникновения, развития и распада неформальных интимных пар как ее мельчайших единиц. Эта тема, с одной стороны, вечная, а с другой – погруженная в контекст современной «текущей» реальности. Он и Она находят друг друга и формируют новую социальную единицу – интимную пару. Однако это отнюдь не частное дело двух индивидов, так как общество в лице многочисленных его субъектов смотрит на них через призму морали текущей эпохи и конкретной социальной группы, пытаясь ввести интимную жизнь в рамки приличия.

Адам и Ева скрываются от лица Господа.
Художник Ю. Ш. фон Карольсфельд (1794–1872)

Сюжет Библии известен каждому, кто хотя бы немного знаком с христианской культурой. Бог создал Адама и Еву и поселил в раю, наказав: «...плодитесь и размножайтесь...» (Бт. 1:28). Оба были наги, но не стыдились этого. Однако при этом настрого запретил им есть яблоко с Древа познания добра и зла. Но тут им повстречался змей, который убедил Еву, что ничего страшного не будет. Она и сама

съела, и Адама угостила. «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Бт. 3:7). Разгневанный Бог сказал Еве: «...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою», – и выслал грешников из сада Эдемского (Бт. 3:16).

В этой библейской истории первой интимной пары содержится культурный код христианской половой морали, открытый для разных интерпретаций. Наделенные свободой воли, люди разрываются между соблазном греха и принципами сакральной чистоты. Это противоречие можно описать и в терминах конфликта между сексуальным инстинктом и моралью.

Особенно четко данное осмысление проявилось в средневековой Западной Европе, где поэты и барды воспевали борьбу между страстной любовью и жесткой логикой христианского брака. Позже Зигмунд Фрейд осмыслил его в терминах психоанализа. Бессознательный сексуальный инстинкт, притягивающий людей друг к другу, втискивается в жесткие рамки культуры, допускающей интимные отношения в паре, но только в соответствии с правилами.

Объект нашего исследования – современная неформальная интимная пара. В силу отсутствия сформировавшегося и общепринятого категориального аппарата такое определение объекта открыто для критики. Мы долго искали термин,

объединяющий изучаемые случаи, и остановились на этом как относительно более адекватном с учетом сопутствующих пояснений. Под интимностью здесь понимаются исключительные тесные личные отношения, закрытые для посторонних. Иначе говоря, то, что допускается между этими людьми, исключено в отношениях с другими. Интимность многослойна и не сводима к сексуальности. Ее основными элементами являются интеллектуальная, духовная и эротическая (телесная) интимности. Первые две формируют интимность дружескую: людям есть о чем поговорить (общие интересы сочетаются со схожим уровнем их осмысления), исходя из близких систем ценностных ориентаций. Эротическая же интимность предполагает ту или иную степень телесной близости. Под интимной парой в полном смысле этого слова в данной книге понимаются два индивида противоположного пола, между которыми имеются все формы интимности. Это идеальный тип¹ интимной пары в рамках данного исследования (за скобки которого выведены негетеросексуальные пары). При этом системообразующей выступает эротическая интимность. Повторимся: мы рассматриваем

¹ В данном случае прилагательное «идеальный» не имеет отношения к его обыденному пониманию как «самого лучшего». Макс Вебер следующим образом определял идеальный тип: сначала «устанавливается, как должно было бы выглядеть действие, будь оно строго целесообразным, не подверженным влиянию иррациональных аффектов», при знании участниками всех обстоятельств и намерений друг друга. «Реальное действие» является отклонением от идеального типа, обусловленным влиянием «всякого рода иррациональных факторов (аффектов, заблуждений)» [Вебер, 2016: 69–70].

только неформальные интимные пары, то есть те, которые не связаны «священными узами брака».

Первый ключевой вопрос нашего исследования: как индивиды находят друг друга, балансируя между сексуальным влечением и моральными нормами?

Второй вопрос: как два «Я», нашедшие друг друга, превращаются в «Мы», то есть в интимную пару? Индивиды в ней не связаны никакими формальными правилами, принуждающими быть вместе. Однако невидимые центростремительные силы сближают их, природное сексуальное влечение преобразуется в общие правила, ценности, табу. Формируется граница между интимным «Мы» и социальным окружением – публикой. Интимная пара становится автономной социальной единицей. В данном исследовании мы ее описываем также с помощью категории «романтическая пара», прекрасно понимая неоднозначность слова «романтический». Здесь оно используется в самом приземленном смысле: в качестве критерия выступает характер отношений как череды свиданий.

Третий вопрос: как романтическая пара трансформируется в интимное сожительство, то есть сообщество, которое, с одной стороны, своей неформальностью очень похоже на романтическую пару, а с другой – опирается на экономический базис домохозяйства? Где водораздел между сожительством и семьей?

Четвертый вопрос тесно связан с логикой «текучей» ре-

альности: что собой представляют пластичные пары, которые опираются на минимум моральных норм и взаимных обязательств, стремительно возникают и столь же неожиданно исчезают?

Методология исследования

Предлагаемая вниманию читателей книга является результатом эмпирического исследования. И хотя в ней регулярно затрагиваются теоретические вопросы, мы старались не перегружать ее обзором научных дискуссий и попытками упомянуть всех авторов, занимавшихся близкой тематикой.

Книга написана в жанре интерпретации интерпретаторов. На первом уровне анализа наши информанты вместе с нами обсуждали проблемы, включенные в программу исследования, делились своим опытом и наблюдениями. Они выполняли роль повседневных экспертов, не только приводя факты, но и интерпретируя их, делясь услышанными интерпретациями других людей. В силу этого ядро книги – логически упорядоченные повествования наших экспертов (они отделены от текста авторов курсивом). Мы старались не заглушить голоса информантов и искренне надеемся, что нам это удалось. Второй уровень анализа – наши интерпретации того, что мы слышали от них.

Отсюда и стилистика книги, вызывающая ассоциации с постмодернистскими канонами. Авторы в ней если

и не умирают, то стараются держаться в тени информантов. Этим объясняются неоднородность стиля (от научного до вульгарного уличного), обилие цитат, тематический калейдоскоп, разнородность источников (интервью, художественные тексты и фильмы, научные трактаты, тексты из социальных сетей, фотоснимки повседневной жизни). Это плохо вяжется с представлениями о классическом научном жанре, однако мы стремились следовать не столько принципам академического письма, сколько логике организации повседневной жизни. А последняя предельно фрагментирована, противоречива, состоит из непредсказуемых ситуаций и банальных высказываний; мысли и поведение людей парадоксальны, сказанное редко соответствует сделанному. Задача исследователя сложна: с одной стороны, недопустим «сумбур вместо музыки» (это не добавляет читателю понимания реальности), а с другой – сортировка «жизненного мусора» не должна привести к логически стройной, красивой, но совершенно далекой от настоящей жизни картинке.

Книга задумана в жанре публичной социологии. Последний предполагает, что аудитория не ограничена профессиональными социологами и людьми с социологическим образованием. Отсюда следовало стилистическое требование: текст должен быть понятен всем образованным людям независимо от того, какой факультет они окончили. Чтобы проверить читабельность текста, мы просили знакомиться с ним

людей с разным образованием. Там, где у них возникало недоумение, мы прикладывали дополнительные усилия по переводу наших идей и соображений на общедоступный язык. Разумеется, это не может не вызывать недовольства специалистов, которые увидят, что мы пытаемся отвечать на сложные вопросы, сводя к минимуму использование глубоко научных категорий. Что поделать, мы живем в мире, где все люди говорят на своих диалектах (или социолектах).

Эта книга в некотором смысле представляет собой собрание интимных биографий множества людей. Каждый использовал стиль и лексику, которая ему ближе. В силу этого правка цитат сводилась к их сокращению, устранению повторов и незначимых деталей, отступлений. Лексика сохранилась в исходном виде. Если языки проститутки и монашки не различаются, то это несомненный признак того, что нам подсовывают фальшивку. Научная ложь в социальных исследованиях начинается с редактирования языка информантов, чтобы не оскорбить чувства уязвимых групп читателей. Однако в целом в текстах интервью можно заметить самоцензуру: в реальной жизни ненормативная лексика гораздо более распространена. Информанты сами облагораживали свой язык, ведь интервью – это спектакль, в котором информант и исследователь играют друг для друга, взаимно манипулируя впечатлениями [Ильин, 2006].

Информанты в нашем проекте ни в коем случае не респонденты, отвечающие на заготовленные исследователем

вопросы. Они соисследователи. В начале интервью им объяснялись проблемы нашего исследования и предлагалось поразмышлять над ними, поискать ответы на возникшие вопросы, опираясь на свой и чужой опыт. Интервьюер в такой беседе держится в тени, выходя из нее только для того, чтобы удерживать информанта в русле темы.

Центральная теоретическая проблема книги – переход от физиологии к социальной структуре. Живя в обществе, люди могут удовлетворить свои природные потребности, в том числе и сексуальные, только принимая на себя адекватные ситуации социальные роли. В результате сексуальность, понимаемая в сугубо физиологических терминах, превращается в один из факторов воспроизводства и трансформации социальной структуры.

На историю интимных пар мы часто смотрели через оптику драматургического подхода. Как писал Шекспир, весь мир театр, а люди в нем – актеры [Шекспир, 1959: 47–48]. Следуя этой логике, мы рассматривали отдельные ситуации как театральные акты, где актеры играют, с одной стороны, друг для друга, а с другой – для публики, чье мнение в той или иной мере приходится учитывать. Поэтому предметом в этом исследовании являются не просто двое, а двое в обществе.

Изначально книга задумывалась как отчет об эмпирическом исследовании в стиле «так любят в Санкт-Петербурге». Однако по мере работы мы отходили от этого плана, при-

бегая к вторичному анализу данных других исследователей, материалам СМИ и художественной культуры.

Методы сбора данных

Исследование опирается на самые разнообразные источники данных, в наибольшей степени – на интервью, проведенные в Санкт-Петербурге. Вот краткая характеристика ключевых методов сбора данных.

1. *Гибрид глубинного интервью и автобиографии.* Изначально все участники проекта, кроме руководителя, выступили в качестве информантов. С ними проводились глубинные интервью продолжительностью в несколько часов с перерывами в несколько дней. Информанты-соисследователи не просто переводили свои аудиофайлы в тексты (транскрибировали), но, погружившись в логику исследования, уточняли их, видоизменяли и существенно расширяли, дописывали и переписывали. В текст интегрировались темы, изначально пропущенные интервьюером по тем или иным причинам (например, он даже не подозревал о наличии такого опыта), а спонтанные ответы разворачивались в продуманные формулировки, опирающиеся на новые факты. Затем полученные тексты, представлявшие собой гибрид интервью и автобиографии, обсуждались с руководителем проекта, снова дополнялись и уточнялись. Эти документы составили исходную базу данных, на основе которой постепенно

выкристаллизовывалась логика исследования, разрабатывалась его методика. Таким образом, данная книга начиналась как рассказ авторов о своей жизни. Такой рассказ закономерно подводил к вопросу: а как это происходит у *других людей*? После такого практикума информанты стали исследователями, самостоятельно проводившими интервью.

2. *Полуформализованные интервью* продолжительностью от 40 минут до полутора часов. Они проводились по двум планам (гайдам): один был предназначен для изучения пар, существующих в формате свиданий (мы их условно называли «романтическими»), другой использовался для пар, ведущих совместное домохозяйство (интимных сожителей). В обоих планах присутствовали блоки по истории возникновения пар. На этом этапе удалось провести несколько десятков интервью, что позволило получить достаточно большой набор ситуаций, в которых возникают, развиваются и разрушаются интимные пары. В поле зрения попали в основном «обычные» ситуации из жизни «обычных» людей, то есть те, которые, с одной стороны, широко распространены, а потому в ходе интервью быстро начали повторяться, а с другой – социально одобряемы или просто приемлемы, поэтому получение такой информации не составило большого труда. Можно предположить, что информанты могли иметь и иной опыт, но упрощенная методика не позволяла собрать данные о нем.

3. *Парные интервью*. В этом случае интервью проводи-

лось одновременно с двумя партнерами. В его задачи входили, во-первых, отработка этой методики (выявление ее плюсов, минусов, пределов использования); во-вторых, выявление процедур согласования партнерами описания и оценки одних и тех же событий. Такие интервью проходили по специальному плану, сфокусированному на обсуждении общего для партнеров опыта. Сравнение парных и индивидуальных интервью позволяло улавливать направления искажения данных в этих методах.

4. *Глубинные интервью.* Их целью было получение данных о ситуациях, которые не упоминаются в ходе стандартных полуструктурированных интервью или на обсуждение которых просто не хватает времени. Такие интервью продолжались по несколько часов по разным графикам и были перегружены уточняющими вопросами, уводящими в детали отдельных тем.

(а) *Глубинные интервью, проводившиеся сеансами по полтора-два часа с разрывом в несколько дней или недель.* В каждом из них обсуждались разные этапы биографии информанта. Его большая продолжительность позволяла установить доверительные отношения между интервьюером и информантом и детально разбирать разнообразные ситуации из интимной истории, максимально углубляясь в их логику. В результате можно было получать данные, не открывающиеся в обычном полуструктурированном интервью.

(б) *Глубинные интервью как биографический монито-*

ринг. Такие интервью продолжительностью два-три часа неоднократно проводились с одним и тем же человеком с разрывом от одного года до нескольких лет. Такая методика позволяет снимать данные по свежим следам, преодолевая издержки информации, получаемой в режиме воспоминаний. Как показала эта методика, целый ряд событий описывается и осмысливается по-разному через призму накапливаемого опыта: один и тот же факт приобретает со временем разные смыслы. Самый длинный мониторинг продлился с 2011 по 2020 год.

5. *Избирательные глубинные интервью*. Их целью было описание и анализ специфических ситуаций, которые не являются массовыми и не вылавливаются в ходе интервью с «обычными» информантами. Такие интервью фокусируются именно на этих ситуациях, выводя всю остальную биографию в категорию контекста. Например, подобного рода интервью были использованы при анализе следующих специфических ситуаций: истории соержанки, продажи или восстановления девственности, возникновения пары в пространстве коммерческого секса и т. д.

6. *Обобщающие биографические интервью*. Их предметом является биография информанта в самых разных сферах жизни. Интимная история представляет собой только один из блоков. Обычно такие интервью проводились в формате двух-трех сеансов.

7. *Вторичный анализ данных*, полученных другими иссле-

дователями.

8. *Анализ художественной культуры* (литературы и кино). С одной стороны, в ней в образной форме отражены модели интимности из реальной жизни, поэтому с существенными поправками такие данные могут использоваться и в социологическом исследовании. Художественная культура является ценным источником гипотез, подсказывает темы для обсуждения в глубинных интервью. Многие художественные произведения оказывают воздействие на реальную жизнь, предлагая образцы для подражания, узаконивая отдельные формы поведения, которые на уровне традиционного обыденного сознания кажутся неприемлемыми. Иначе говоря, художественная культура может нормализовать то, что большинству пока еще кажется ненормальным.

9. *Анализ данных СМИ и социальных сетей*. Они использовались для тестирования уровня уникальности данных, полученных в ходе интервью, позволяли обнаружить ситуации, которые оказались невидимыми в нашем эмпирическом исследовании.

Цель анализа материалов интервью – переход от описательных историй романтических пар к абстрактным мини-теориям частных процессов (например, знакомства или свидания). Этот переход в данном исследовании включает две фазы восхождения от конкретного к абстрактному.

Во-первых, это поиск смысла в ситуации, описанной с помощью естественного языка информантов. Подобные описа-

ния представляют собой более или менее хаотичное нагромождение фактов. Необходима логика их упорядочивания.

В объективистской традиции исследователь стремится вскрыть невидимые глазу закономерности. В используемом же в данном исследовании подходе фокус сдвигается на обнаружение в интервью определений, даваемых самими участниками. Например, это свидание или «просто встреча»? Это измена или проявление принципа свободной любви? Даже самые спонтанные определения имеют вполне реальные последствия. Определение ситуации позволяет понять ее общую логику.

Во-вторых, это переход от индивида к исполнителю конкретной роли в конкретной ситуации (например, роли мужчины или женщины, интимного партнера или стороннего свидетеля, любовника или сожителя). При этом все остальные характеристики личности выводятся за скобки.

Технически переход от хаотичной описательной картины к абстрактной модели шел в несколько этапов.

1. Проведение биографического интервью и перевод аудиозаписи в печатный текст (транскрипт).

2. Повествовательный (нарративный) анализ транскрипта через его превращение в связный и логически упорядоченный рассказ.

3. Кодирование транскрипта с помощью программы ATLAS.ti 8 по двум осям – периоды истории пары и сферы жизни (типы ситуаций). Каждой цитате присваивался код,

облегчающий ее поиск.

4. Синтез данных разных интервью, помеченных одним кодом. На выходе получалось тематическое повествование по поводу одного типа ситуаций (например, место знакомства, ритуалы, бюджет свидания и т. д.), упорядоченное по трем осям: периоды, сферы жизни, типы (варианты) ситуаций.

5. Очистка логически упорядоченной описательной картинки от деталей, ее доведение до уровня абстрактной модели, в которой взаимодействуют не уникальные индивиды, а исполнители определенных социальных ролей в конкретной ситуации.

6. Объединение моделей отдельных ситуаций, позволяющее построить мини-теорию, включающую и обнаруженные варианты данного события, и набор действующих факторов. Например, от модели свидания X., состоявшегося 1 января 2020 года, и серии моделей таких же единичных ситуаций к мини-теории свидания.

7. Интерпретация мини-теории (например, организации свиданий в изучаемой выборке) в контексте уже имеющихся теорий и эмпирических данных о процессах на глобальном, национальном и региональном уровнях.

Формирование выборки исследования

Логика качественного исследования сопряжена с тем, что

выборка не является репрезентативной в статистическом смысле, то есть она не позволяет судить о том, насколько широко распространены те или иные процессы в России, как изменились отношения в масштабах страны или даже города. Эти вопросы затрагиваются нами только в рамках вторичного анализа данных опросов других исследователей, но и они занимают сугубо периферийное положение.

Цель такой выборки – построение мини-теории. Отсюда и ее название: «теоретическая выборка». Нам были одинаково интересны ситуации как исключительные, так и воспроизводимые в миллионах случаев. Иначе говоря, решение проблемы типичности не входило в список наших задач. Уникальный случай для теории не менее интересен, чем типичный.

Единицей анализа в данном исследовании являются не индивиды, а повседневные ситуации, в которых люди замечают друг друга, знакомятся, идут на первое свидание, решают вопрос оплаты совместного ужина, похода в кино, переходят к интимному сожителству и т. д. Соответственно, ключевой задачей при сборе данных стало обнаружение и описание максимального числа типов подобных ситуаций. Информанты отбирались по критерию наличия у них опыта участия в таких ситуациях или опыта наблюдения со стороны.

При этом информант рассматривался и как повседневный эксперт, который рассказывал не только о своем опыте,

но и о своих наблюдениях. Объем опыта мог сильно варьироваться. Кто-то рассказывал только об одной короткой истории, а кто-то – о большом количестве, опираясь не только на свой опыт, но и на опыт наблюдаемого окружения. Одну и ту же ситуацию (например, знакомства) мог описать и один партнер, и одновременно оба. Все это делает ценность традиционного описания выборки (ее численность, социально-демографическая структура информантов) очень относительной. Об опыте первого в жизни свидания рассказывали и 16-летние подростки, и взрослые люди 35–40 лет.

Поскольку культура интимных отношений не меняется быстро, нами игнорируется вопрос о различиях в свиданиях 2001 и 2020 годов. Рассказы подростка и человека в два раза старше о своем первом свидании относятся к одной и той же эпохе. Единственным важным элементом, характеризующим радикальное изменение обстоятельств развертывания отношений, стало появление социальных сетей. Юноши и девушки начала XXI века не могли знакомиться так, как это делают в 2010-х. Тем не менее, 35-летние сегодня тоже «живут» в сети.

Категория изучаемых нами информантов в основном совпадает с поколением миллениалов, в которое обычно включают людей, родившихся с 1980 по 2000 год². Но в США

² Отметим, что единого мнения по этому поводу нет и быть не может в силу зыбкости категории поколения, особенно в эпоху без жестких разрывов в виде социальных катастроф.

Pew Research Center принял решение использовать категорию «миллениалы» применительно к тем, кто родился в период с 1981 по 1996 год (в 2020 году им от 24 до 39 лет), а тех, кто родился, начиная с 1997 года, относить к поколению Z³.

Относительную ценность имеет и количество информантов. Как уже отмечалось, один мог описать только одну ситуацию, другой – десятки. Традиционные методы формирования выборки по возрасту, полу, образованию, материальному положению, типу занятости имеют лишь косвенное отношение к решению поставленных задач. Эти социальные характеристики учитываются, но только в качестве факторов возникновения ситуации интимной пары в конкретный момент. При этом многие факторы такого рода действуют лишь в вероятностном режиме: для одних они значимы, для других – нет. Поскольку мы изучали биографии, то указание на социальное положение информанта в момент интервью мало что говорит. Почти каждый информант неоднократно, а то и многократно менял свое социальное положение. Исключения составляют разве что школьники.

Наши информанты – это в основном женщины и мужчины в возрасте от 16 до 35–36 лет, проживающие в Санкт-Петербурге. Однако при проведении биографического мониторинга

³ См.: Dimock M. Defining Generations: Where Millennials End and Generation Z Begins // Pew Research Centre. 2019. January 17. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (дата обращения: 10.04.2020).

га в ряде случаев верхняя граница нарушалась. Для исследования важен не столько сам возраст, сколько стаж интимной жизни. 16-летний информант может описать опыт романтических отношений или поиск первого партнера по свежим впечатлениям. Событийная канва подросткового романа в такой же мере освещается и теми, кому за 30 лет, так как интервью имели биографический характер, однако воспоминания уже не столь точны и детальны. В то же время ценность ретроспективной реконструкции ситуаций в том, что информант анализирует их через призму своего последующего опыта.

Гендерные различия проявлялись в основном в ценностно-окрашенной оптике: одну и ту же ситуацию мужчины и женщины могут оценивать по-разному. Однако в описании событийной канвы, в том числе и в описании ценностных ориентаций партнера, различие проявляется в большей степени в том, что женщины более чувствительны и внимательны к деталям, охотнее соглашались на интервью. В результате женские интервью в целом более информативны, что обусловило их бóльшую представленность в книге. Даже в парных интервью превалировал женский голос.

Главная проблема при формировании выборки состояла в том, что до начала интервью исследователь не подозревал, каково содержание опыта информанта. Кроме пола и возраста ничего не было известно. Ситуации как единицы анализа чаще всего обнаруживались только в ходе интервью. Здесь

на ум приходит ассоциация с рыбаком, который, забрасывая сеть, не знает, кто попадется в нее. На то она и интимная жизнь, что с первого взгляда ее характеристики не распознаешь и на улице с вопросом-фильтром не подойдешь. Исключением были только интервью, проводившиеся на заключительном этапе, когда специально выискивались информанты, имеющие специфический опыт. Их искали по наводке: кто-то из обычных информантов упоминал о наличии человека со специальным опытом (например, содержанки). Большинство же ситуаций случайно распознавались только в ходе интервью, поэтому выборка ситуаций работала ретроспективно: уже обнаруженные ситуации раскладывались по типам. Это приводило к тому, что по одним ситуациям происходило перенасыщение (шел повтор однотипных историй), в то время как другие оставались представлены единичными описаниями.

Главный критерий структурирования выборки ситуаций в данном исследовании – стадия истории пары: этап поиска партнера, пара как череда свиданий, сожительство и распад пары. Однако эти критерии лишь косвенно связаны с отбором информантов. Многие из них имели опыт переживания всех этих ситуаций.

В центре исследования также стоит теоретическая проблема возникновения устойчивых малых групп и размывания их основ, замены «твердых» конструкций «жидкими», гибкими и непредсказуемыми. В силу этого внимание обра-

щалось на те ситуации, в которых наиболее заметна диалектика устойчивости/изменчивости. За рамками исследования остались многие процессы в динамике сексуальной культуры (даже если соответствующий материал собран) не только потому, что книга лишь косвенно касается этой темы, но и в силу теоретической ориентации именно на данные, характеризующие исключительно процессы воспроизводства и размытия устойчивости пар.

Единицей эмпирической базы является интервью, получающее код: порядковый номер, год проведения, пол, возраст (например, 88/18-ж-36л.). Единица базы не обязательно совпадает с отдельным информантом. Во-первых, с некоторыми информантами проводилось более одного интервью с тем или иным временным интервалом. Соответственно, один и тот же информант на разных этапах исследования может встречаться более одного раза под разными кодами. Во-вторых, некоторые интервью проводились с парой – здесь пол обозначен как «м/ж», а в случае цитаты отдельного партнера код разбивался пополам через буквенные обозначения (например, 84б/18-м-23 г.). В-третьих, несколько пар изучались через индивидуальные интервью с каждым партнером отдельно. Таким образом, ситуация одна, но источника и текста два.

Исследование начиналось в 2009 году как небольшая серия бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ, в которых изучались разные аспекты форми-

рования и развития неформальных интимных пар. Проведенные на этом этапе интервью составили исходный фундамент базы данных. Однако представляемое исследование является составной частью серии биографических проектов, выполнявшихся с 1990-х годов (отчасти даже с более раннего периода) и продолжающихся по сей день. Например, в 2005–2008 годах проводилось исследование жизненных стратегий молодежи. По его результатам опубликована книга «Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления» [Ильин, 2007]. С помощью биографического метода ряд лет ведутся исследования флексибилизации образа жизни молодежи мегаполиса и глубинки.

В этой книге также используются данные из других проектов. Кодировка интервью, обработанных в программе ATLAS.ti 8, сложилась исторически и отражает взаимосвязь разных проектов. Отсюда и относительная ее бессистемность (например, после первой сотни номеров появляются коды с номерами более 300). В этой книге использованы материалы 104 интервью продолжительностью от 40 минут до двух-трех часов, сфокусированных на истории интимных пар. Однако в тексте местами возникают и отдельные цитаты из общих биографических интервью, содержавших частный блок по темам, близким данной книге.

Собранные данные превышают возможности объема книги, поэтому мы не стремились показать все многообразие

форм возникновения интимных пар. Главным для нас было понимание логики этого процесса в контексте возникновения «текучей» «социальной реальности». С этой целью из фокуса внимания книги сознательно исключены случаи, обусловленные исламской культурой или очень глубоким погружением в православие, гомосексуальные пары, трансгендеры, пожилые пары и т. д.

Благодарности

На втором этапе исследование было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (грант РФФИ № 17-33-00063-ОГМ «Механизмы воспроизводства и флексибилизации жизненной колеи российской молодежи в контексте „жесткой“ и „текучей“ современности»).

На завершающем этапе исследования к его обсуждению и консультациям привлекались коллеги, не вошедшие в авторский коллектив: Наталья Букаринова, Марина Ильина, Анна Лобанова, Маргарита Осипова, Лилия Панкратова.

Глава 1. Интимная пара как малая группа

Зигмунт Бауман [Бауман, 2008] поставил точный ди-

агноз нашему времени: формируется «текущая современность». Эта трансформация охватывает все сферы жизни, и в первую очередь социальную структуру и культуру. Социальные группы и сообщества становятся более подвижными, неустойчивыми, «текучими», относительными. Частным случаем этого процесса является возрастание роли неформальных интимных пар как малых групп при одновременном падении значения интимной группы традиционного типа – семьи, закреплённой формальным браком. «Текущему» состоянию общества соответствуют и чувства. З. Бауман определил это состояние как «текущую (жидкую) любовь» [Bauman, 2003]. Ульрих Бек, в свою очередь, писал о «нормальном хаосе любви» [Beck, Beck-Gernsheim, 1995]. Эти социальные сдвиги, с одной стороны, порождаются трансформацией сексуальной культуры, а с другой – придают ей динамизм.

Интимная пара – это спонтанно возникающая структура, проходящая несколько фаз в своем развитии. Категория «возникновение» фокусирует внимание исследователя на процессуальном характере явления: вчера группы не было, сегодня она возникла, а завтра исчезнет. Ее история может быть описана синусоидой с той или иной амплитудой.

В рамках феномена интимной пары мы наблюдаем переход от одного качества к другому. Физиологическое сексуальное влечение порождает качественно новое явление – интимную пару как комплекс социальных ролей. Живя в обще-

стве, как правило, нельзя удовлетворить физиологическую потребность, не проложив путь в социальном пространстве, не исполняя ту или иную социальную роль.

Человек ощущает чувство голода так же, как и животное. Однако для его утоления он должен найти мирный способ добывания пропитания, стать либо работником, либо предпринимателем, либо чиновником, либо крестьянином... Аналогично и с сексуальной потребностью. Для ее удовлетворения индивид должен вступить в те или иные социальные отношения с потенциальным партнером, выбирая доступную для себя роль: любимый/любимая, «мой молодой человек»/«моя девушка», любовник/любовница, сожитель/сожительница, муж/жена. Интимная пара – способ социальной организации этого процесса. Биологическая сущность проявляется в обществе, неизбежно принимая социальные формы.

Интимная пара представляет собой малую группу двоякой природы. С одной стороны, это группа уникальных индивидов, связанных личными отношениями. В этом качестве каждая пара неповторима в своих радостях, проблемах и рутинных практиках. С другой стороны, это социальная группа как совокупность стандартных и анонимных ролей. Уникальные индивиды, организуя совместную жизнь, исполняют роли, возникшие и оформившиеся задолго до их рождения, выбирают один из множества предлагаемых культурой стилей их исполнения. Например, конкретные Маша

и Саша в том или ином стиле исполняют роли «девушки» и «молодого человека» или просто «партнеров», «влюбленных» и т. п. Что бы они ни придумали, многие до них вели себя схожим образом.

Само возникающее качество (группа) является процессом, в котором разные моменты характеризуются различными измерениями одного и того же свойства.

1. *Возникновение пары.* Это период распознавания потенциальных партнеров, знакомства, борьбы за внимание и чувства, формирования пары, в которой два «Я» превращаются в одно «Мы».

2. *Романтическая пара,* опирающаяся на свидание как устойчивую и укорененную в культуре форму социального взаимодействия. В западной социологии для обозначения таких пар используется понятие LAT-союза (LAT – сокращение от *living apart together*). Это гетеросексуальный или гомосексуальный интимный союз между партнерами, не состоящими в браке и проживающими в разных домохозяйствах, но идентифицирующими себя в качестве членов пары [Levin, 2004; Strohm et al., 2009]. Иногда такой союз определяется как «новая форма семьи» [Levin, 2004: 223–240], что представляет собой попытку рассматривать феномен неформальной интимной пары в терминах совершенно иного социального института.

Другой термин, обозначающий тот же феномен, – «партнерство с раздельным проживанием» (non-residential

partnerships) [Castro-Martín, Domínguez-Folgueras, Martín-García, 2008]. В России такие отношения часто называются «гостевым браком», хотя слово «брак» существенно искажает смысл обсуждаемого явления. Такие пары могут иметь разную степень устойчивости – от нескольких дней до нескольких десятилетий. На периферии этого феномена романтические чувства могут сходить на нет, сводясь к простому сексуальному влечению.

3. *Сожительство*. Оно представляет собой интимную пару, социальные отношения в которой юридически не оформлены, а ее экономическим базисом является домохозяйство. Дети, появляющиеся в такой паре, формально идентифицируются только в плоскости отношений «родители – дети».

4. *Семья* в полном смысле этого слова. Это уже форма относительно устойчивого взаимодействия, социальные отношения в которой формально санкционированы обществом, от лица которого выступают государство и/или церковь, а ее экономическим базисом является домохозяйство. Роль церкви варьируется от страны к стране и от эпохи к эпохе. В современной России условием полноценной в юридическом плане семьи выступает ее закрепление оформляемым государством браком, который заключается только между мужчиной и женщиной. В то же время все больше государств отказываются от этого уточнения, допуская однополые браки. Немало малых групп называют себя семьями и являются таковыми в глазах близкого окружения, не обра-

щаяся за одобрением ни к государству, ни к церкви. В этом случае грань между сожителем и семьей размывается и часто становится неразличимой.

5. *Пластичные интимные пары.* Это союзы, социальные отношения в которых опираются только на зыбкий фундамент сексуального влечения. Они могут быть либо мимолетными (например, в сфере коммерческого секса или в так называемых легких отношениях типа курортного романа), либо относительно продолжительными, но при опоре на тот же базис исключительно сексуального влечения (партнеры встречаются только для секса). Они лишены всяких признаков юридических гарантий и сколько-нибудь устойчивых социальных обязательств. Для них характерен отказ от традиционного морального принципа моногамии или его минимизация до сиюминутной моногамии (только здесь и сейчас). Такие пары могут быть этапом в описанной выше логике вызревания устойчивых интимных пар (например, романтическое приключение неожиданно приобретает характер устойчивых и многомерных отношений) либо быть совершенно независимыми от нее (в случае сиюминутных увлечений). Это описание идеального типа пластичной пары. В реальной жизни такие пары нередко трансформируются и приобретают отдельные черты романтических пар или сожительств.

В центре нашего внимания в данном исследовании находятся только интимные пары, лишенные скреп в виде юри-

дически оформленных отношений, то есть все перечисленные выше типы, исключая полноценные семьи.

Интимная пара как научная проблема

Общество, как утверждал Карл Маркс, не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу [Маркс, 1959]. Если в макросоциологических теориях исследовательский интерес фокусируется на крупных социальных группах (нациях, этносах, классах, стратах и т. д.) и социальных институтах (государство, рынок, церковь и проч.), то в микросоциологических концепциях поиск истоков общества сдвигается в сторону непосредственного взаимодействия индивидов, исполняющих социальные роли. Так, на первый план выдвигается вопрос: как индивиды находят общий язык для сосуществования и взаимодействия?

В современных социальных науках два упомянутых подхода дополняют, а не исключают друг друга. Здесь уместно привести метафору строительства. Есть архитектура, занимающаяся выработкой оптимальных форм сооружений (дворцов, жилых домов, мостов), а есть сопромат⁴ – наука, изучающая строение и свойства материалов. Они неразрывно связаны. Возможности архитектуры сильно зависят

⁴ Сопромат – разговорная форма для «сопротивления материалов», инженерной дисциплины о прочности и надежности деталей, изделий и конструкций.

от свойств используемых материалов, поэтому ключ к пониманию размеров, форм и прочности архитектурных сооружений часто – в их молекулярной структуре. Микросоциологические подходы, развиваемые в неразрывной связи с макросоциологическими, можно назвать социальным сопроматом. Социальные системы, поражавшие своими масштабами, нередко рушились из-за того, что были неадекватны логике жизни индивидов.

Одной из сфер, где возникает социальность, то есть надличностные скрепы, соединяющие людей и обеспечивающие их сосуществование, являются интимные отношения. Физиологическое сексуальное влечение в обществе удовлетворяется через исполнение индивидами тех или иных социальных ролей. Неформальные интимные пары выполняют роль социальной организации сексуальности. Два уникальных индивида, следуя влечению и своим представлениям о том, «как это принято», «как делают другие», создают пару, в которой возникает общий для них мир «Мы», мир согласованных и взаимно понятных смыслов, правил и ценностей, мир, окруженный границей, за которой интимность превращается в частные или публичные отношения, регулируемые по совершенно иным правилам. Меж тем, проблематика институционализации неформальных интимных пар остается на периферии интересов российских исследователей, которые в качестве мельчайших единиц социальной структуры традиционно рассматривают индивидов и семьи

[Голод, 1984, 1990, 1996; Харчев, 2003; Зритнева, 2006; Гурко, 2008; Козырев, 2018].

Однако трансформация сексуальной культуры постепенно подводит нас к умозаключению, что категориальный инструментарий социологии и психологии семьи ограничен, так как появляются новые интимные сообщества, не улавливаемые с его помощью. Возникает феномен «пластичной сексуальности» – сексуальности, освобожденной от потребности в продолжении рода [Гидденс, 2004: 21]. «Значимость имеют только сексуальная основа союза (как правило, но необязательно, подразумевающая сексуальные отношения с этим, одним партнером) и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого – ощущение себя „парой“» [Вовк, 2005: 68].

В сфере изучения романтических пар, сожителств и семей доминирует социально-психологический подход, сдвигающий фокус исследования на чувства. Популярным предметом является любовь, привлекающая внимание в первую очередь социальных психологов и философов [Lee, 1973; Василев, 1992; Cowburn, 2003; Määttä, Uusiautti, 2013], а также литераторов. Ф. Стендаль разработал концепцию «кристаллизации любви» [Стендаль, 1978]. Некоторые идеи, формирующие предпосылки социологии любви, как отмечает Михай Русу, встречаются уже в классической социологии, однако никто из ее ведущих фигур не проявил систематического интереса к этой тематике (при этом «любовные ис-

тории самих классиков социологии представляются гораздо более богатыми, чем их вклад в социологию любви» [Rusu, 2018: 4]). Эти, базовые, идеи есть в трудах Георга Зиммеля [Simmel, 1906], Толкотта Парсонса [Parsons, 1955], Питирима Сорокина [Sorokin, 2002]. Однако, несмотря на то что обсуждаемая проблематика находится в центре повседневной жизни и интересов огромной части населения планеты, социальные науки до сих пор держат ее на периферии своих интересов. Как отмечает М. Русу, историка социологии впечатляет «холодная индифферентность» социальной мысли по отношению к этой проблематике, наблюдается «подозрительная нехватка в социологической традиции серьезных размышлений на тему любви» [Rusu, 2018: 3–4]. Очень медленно, с задержкой в сотню с лишним лет, с 1990-х годов все же пробивает дорогу тренд к формированию социологии и антропологии любви как особой сферы в предметном поле науки [Luhmann, 1986; Fisher, 1992; Beck, Beck-Gernsheim, 1995; Plouz, 1997, 2012; Bauman, 2003; Климова, 2009; Iorio, 2014].

Примыкают к этому направлению социологические исследования сексуальности, сексуальной культуры и ее динамики. Первоначально они развивались в основном на Западе, где со второй половины XX века в широкий оборот вошло понятие «сексуальная революция» [Sorokin, 1956; Гидденс, 2004]. Постепенно исследования сексуальности начались и в нашей стране, что связано прежде всего с име-

нами Игоря Кона и Сергея Голода [Кон, 1988, 1997, 2004, 2010, 2011; Голод, 1990, 1996]. В последние два десятилетия появились новые исследования сексуальности [В поисках сексуальности, 2002; Тёмкина, 2008, 2010; Омельченко, 2013; Панкратова, 2015; Pankratova, Pankratov, 2016]. В этом подходе исследования сексуальных практик синтезируются с макрокультурными трансформациями. Однако тематика пар как социальных общностей в таких исследованиях находится в лучшем случае на заднем плане.

Неформальные интимные пары вызывают интерес в первую очередь с точки зрения используемых критериев отбора партнеров. Достаточно заметное внимание привлекла и проблематика насилия в парах [Лысова, 2007].

В исследованиях общественного мнения заметное место отводится мониторингу распространения гражданских браков и отношения к ним. Этот вопрос рассматривается в основном через призму проблемы кризиса традиционной семьи. В России такие исследования проводят с начала нынешнего века ФОМ и ВЦИОМ. Ключевым понятием здесь становится «гражданский брак». Демографические исследования рассматривают вопросы динамики брачного возраста, численное соотношение формальных и гражданских браков [Захаров, 2006, 2007 а, б, 2013].

В качестве компромисса используют такие определения, как «альтернативные» (немодальные), внебрачные семьи [Клёцин, 1994], «семьи, возникающие вне брака» [Seltzer,

2000]. Так или иначе, понятия «семьи» и «брака» оказываются базовыми при всех попытках изучения интимных пар, которые никак не связаны в сознании их членов с брачной перспективой. Как верно замечает социолог Елена Вовк, попытка «легитимировать, осмыслить любые сексуальные союзы через отождествление их с браком, но не сами по себе – любопытный показатель уровня ханжества культуры»⁵. При этом в центре внимания оказываются совместно проживающие пары, которые определяются в терминах либо гражданского брака, либо сожительства.

Используются также категории «незарегистрированные союзы» [Шпаковская, 2012], «консенсуальные союзы» [Исупова, 2015], «добрачные отношения» [Лысова, 2007]. Правда, в последнем исследовании констатируется наличие в добрачных отношениях двух этапов – свиданий и сожительства, – однако в качестве инструмента исследования это деление не используется [там же: 18]. Е. Вовк при анализе данных массовых опросов о гражданских браках предпочитает использовать категорию «интимные союзы, альтернативные зарегистрированному браку», под ними понимая пары, «в которых мужчина и женщина, не вступая в официальный брак, поддерживают прочные отношения (в первую очередь сексуальные), становятся друг другу близкими людьми, ве-

⁵ Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 1) // Фонд «Общественное мнение». 2005. 15 января. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/civ_marr/gur050103/ (дата обращения: 23.04.2020).

дут общую жизнь и считают, что они вместе, что они составляют пару» [Вовк, 2005: 70].

В западных исследованиях, раньше отклонившихся от семейно-брачной точки отсчета, получили распространение понятия «сексуального союза» (sexual union), «консенсуального союза» (consensual union), «интимного партнерства» (intimate partnership) и «пары, связанной интимными отношениями» (intimate relationships). Эти категории также нивелируют различия между интимными парами на разных этапах их существования. Таким образом, грань между парами, существующими в режиме свиданий, и парами, проживающими совместно, обычно игнорируется, хотя это принципиально разные типы групп. Интимные пары, существующие в режиме свиданий, в качестве особого предмета исследований замечаются в лучшем случае на уровне упоминания.

В целом проблематика неформальных союзов типа романтической пары и сожительства как элемента социальной структуры пока находится на периферии внимания исследователей сексуальности, а в проблемное поле отечественных исследований социальной структуры она только начинает входить. В 2005 году Е. Вовк отмечала, что «о существующих в России форматах организации близких интимных отношений практически ничего неизвестно: исследований на эту тему не проводилось»⁶. В последующие годы ситу-

⁶ Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или

ация немного изменилась: были проведены некоторые исследования, в основном среди сожителей. Например, в рамках международного проекта в Москве в 2012 году с помощью метода фокус-групп изучались совместно проживающие без регистрации пары («консенсуальные союзы») [Исупова, 2015]. В рамках гендерной программы Европейского университета в Санкт-Петербурге и при поддержке Фонда им. Генриха Бёлля в 2009 году состоялось исследование «Новые формы организации гетеросексуальных отношений: что такое гражданский брак» [Чернова, Шпаковская, 2010; Шпаковская, 2010, 2011, 2012]. Социолог Анна Шадрина провела нашумевшее исследование смежной темы – одиноких женщин Беларуси [Шадрина, 2014].

Таким образом, и в англоязычной, и в русскоязычной (по тематике и методике нередко воспроизводящей западные образцы) научной литературе, несмотря на заметное внимание к вопросам сексуальности, неизученными остаются вопросы возникновения пар и динамики их внутренней организации. Особенно в «слепом пятне» находятся романтические интимные пары, существующие в режиме периодических свиданий.

Интимная пара как малая группа

Исследования интимной пары как первичной малой груп-

пы в разных дисциплинах проводятся с 1940-х годов. Обычно перечень примеров таких групп начинается с семьи, но нет никаких оснований не ставить впереди неформализованную пару. К ней в полной мере относятся все признаки малой группы, традиционно перечисляемые в социологических и социально-психологических концепциях, хотя она гораздо пластичнее семьи.

Малой группой называется сообщество людей, состоящее из двух и более непосредственно взаимодействующих индивидов. Есть разные определения группы, но все исследователи сходятся на том, что ключевой характеристикой любой группы является наличие отношений между ее членами [Forsyth, 2014: 4]. Некоторые авторы считают, что малая группа состоит минимум из трех человек [Кричевский, Дубовская, 2001: 11], а социальные взаимодействия двух человек порой определяют как особую малую группу – диаду [Джери, Джери, 1999: 179]. В качестве верхнего предела обычно называют 10 человек или около того – вплоть до 12–15.

Диада не сводится к двум индивидам. Это наименьшая малая группа из двух человек, реально существующая в определенной социальной системе и выступающая звеном общественной структуры [Абульханова-Славская, Брушлинская, 1989: 95]. Иначе говоря, диада является мельчайшей социальной молекулой. Интимная пара представляет собой один из наиболее распространенных типов диады как малой

группы.

Как отмечал Чарльз Пирс [Пирс, 2000: 141], диада состоит из двух субъектов, приведенных к единству и связанных отношениями. Просто два субъекта – это еще не диада. В диаде каждый субъект приобретает свойства как часть диады. Иначе говоря, диада тоже обладает системным качеством, не сводимым к свойствам ее элементов.

Если эту логику приложить к теме нашего исследования, то она приобретает конкретный смысл: просто два индивида не являются парой. Они становятся ей только через развитие отношений, превращающих два «Я» в одно «Мы». При этом идентичность каждого партнера обретает новое качество: он/она становится членом конкретной пары. Взаимодействие двух индивидов в рамках интимной пары ведет к тому, что они влияют друг на друга, во-первых, ситуативно (действие в конкретной ситуации принимается с учетом не только наличия другого, но и признания его права на собственный интерес), а во-вторых, трансформируя личности друг друга.

Взаимодействие в малой группе имеет двойственный характер. С одной стороны, это личностное взаимодействие двух конкретных индивидов, и именно этот ракурс находится в центре внимания социальной психологии. Если этим ограничиться, то пара вполне может рассматриваться вне социокультурного контекста.

С другой стороны, интимная пара как малая группа – это

социальное взаимодействие двух ролей (например, «девушка» и «ее молодой человек»), которые не придуманы данными индивидами и существуют в обществе как комплекс социальных ожиданий, предписаний и ограничений. Иначе говоря, уникальные индивиды в интимной паре как малой группе исполняют более или менее стандартизированные социальные роли. И здесь «общественные отношения выступают в форме непосредственных личных контактов» [Андрева, 2000: 191]. В этом случае интимная пара приобретает четкие, конкретно-исторические особенности.

Интимная пара как малая группа (диада) формируется внутренними и внешними отношениями. Внутренние связывают двух партнеров друг с другом, а внешние обеспечивают интеграцию пары во внешнюю среду. Первый и непосредственный уровень внешней среды представлен родителями, родственниками и друзьями. Обычно формирование пары предполагает и реконфигурацию внешних отношений. Туда, куда раньше входил один человек, теперь входит пара. Происходит и неизбежная реконфигурация ресурсов времени, сил, денег: часть того, что раньше тратилось на близкое окружение, отдается партнеру. Второй уровень представлен социальными институтами и большими группами – сообществами, в которые интегрированы индивиды. Через выбор партнеров из своей макросреды происходит и воспроизводство однородности социальных групп и сообществ. Индивид, выбирая социально и культурно близкого партнера,

участвует в процессе исключения «чужих» из своей большой социальной группы или института (например, государства). И, напротив, через выбор партнеров из других групп границы размываются: например, транснациональные интимные пары выступают каналом миграции.

Описание малой группы как последовательности фаз ее динамики [Tuckman, 1965] в полной мере применимо и к интимной паре. (1) *Фаза формирования*, на которой пока еще потенциальные члены группы тестируют друг друга и возникает взаимная зависимость. (2) *«Штормовая» фаза* внутригрупповых конфликтов. (3) *Фаза нормирования*, в ходе которой происходит сплочение группы. (4) *Фаза функционирования* группы как комплекса взаимосвязанных ролей. (5) *Фаза умирания, распада* группы. Все фазы образуют «жизненный цикл» малой группы [Mills, 1964; Gibbard, Hartman, 1973]. Интимная пара зарождается, развивается, достигает пика, а потом либо умирает, либо превращается в иной тип интимной пары (например, сожительство или семью).

Итак, неформальная интимная пара – это малая социальная группа (диада), сформированная на основе сексуального влечения и бегства от одиночества, которые трансформировались в комплекс социальных ролей. Она представляет собой процесс, проходящий через несколько стадий развития.

Любое, даже самое кратковременное взаимодействие соединяет людей в аморфные и краткосрочные образования, которые умирают, как только люди расходятся. Ирвинг Гофф-

ман [Гофман, 2009: 14] сделал их предметом серии своих исследований, определенных как «социология случаев». Такие ситуативные объединения только с большой натяжкой можно назвать малыми группами. Подобные ситуации возникают и в сфере сексуальности, когда люди встречаются на очень короткое время, а затем расходятся. Это пластичные, мимолетные интимные пары, регулируемые логикой случая непосредственного взаимодействия, а не групповой динамикой.

Несмотря на давнюю традицию изучения малых групп в социальной психологии и в меньшей мере в социологии, интимные пары, особенно романтические, и их групповая динамика до сих пор не были предметом серьезного научного исследования.

Интимная пара как возникающая социальная единица

В диалектической логике XIX века количественные изменения порождают качественно новые феномены. В философии и социальных науках сделан вывод о несводимости целого к свойствам его элементов. Эта мысль есть уже у Огюста Конта, но наиболее четко она сформулирована Эмилем Дюркгеймом в «Метод социологии» [Дюркгейм, 1991: 398]: элементы, комбинируясь, образуют уже самим фактом своей комбинации новые явления, суть которых находится не в са-

мих элементах, а в целом, образованном их соединением. Действие этого принципа он видел не только в природе, но и в обществе, свойства которого не сводимы к свойствам индивидов. Э. Дюркгейм называл эту новую реальность «социальными фактами», однако на языке современной социальной науки этот же феномен обычно обозначается категорией социальной структуры [Elder-Vass, 2010: 15].

Эта идея получила развитие в системном подходе [фон Бергаланфи, 1969]. Социальное взаимодействие индивидов порождает возникновение новой, уже социальной, реальности, качественно отличающейся от реальности их тел и психики. В данной традиции, называемой реляционной (от англ. *relation* – отношение, зависимость, связь), возникающие новые свойства или силы характеризуют целое, а не его взаимодействующие части. Разумеется, не всякое скопление элементов порождает такое целое. Совокупность песчинок является всего лишь кучей песка. Предпосылка возникновения новых свойств – взаимодействие элементов целого, которое в этом случае принимает форму организованного комплекса частей, не сводимого к их сумме [Elder-Vass, 2010: 16–18]. Курт Левин рассматривал группу как динамическое целое, обладающее свойствами, отличными от свойств составляющих его элементов, и не сводимое к их сумме [Левин, 2000, 2001]. Групповая динамика порождается взаимодействием членов малой группы, формирующим их взаимозависимость.

Неформальная интимная пара как малая группа не равна сумме двух индивидов. Их взаимодействие порождает надындивидуальное (системное) качество (или эффект поля), не сводимое к свойствам каждого члена пары. Иначе говоря, в паре, с одной стороны, сохраняются периодически встречающиеся индивиды, а с другой – есть надындивидуальное «Мы».

Соотношение элементов может принимать разные формы. На одном полюсе бывающая индивидуальность индивидов подвергается переплавке, превращаясь в «Мы». Этот процесс представляет собой идеальный тип, приближение к которому встречается в период ограниченного по времени апогея взаимной страсти. На другом полюсе находится пара как сумма двух индивидов, не порождающая заметного системного качества. Это два одиночества, скрашивающие горечь своего опыта в периодических встречах. Есть двое, но «Мы» нет.

Эффект поля, или системное качество, возникает в двоякой форме. Во-первых, это социально-психологическое поле как атмосфера, в которой индивиды воспринимают мир через оптику «Мы». Это поле порождается взаимодействием двух индивидов как социобиологических действующих лиц. Здесь зарождаются чувства, возможные только как совместное переживание. Во-вторых, пара представляет собой взаимодействие социальных ролей (не только членов пары, но и окружения).

Эффект возникновения нового качества маркируется с помощью ритуалов. Например, объяснение в любви не только коммуникативный акт (Он сообщает Ей о переживаемых чувствах), но и ритуал перехода к качественно иному уровню интимности: скрытое от глаз содержание чувств переводится на язык слов. Роль ритуалов перехода выполняют первый поцелуй и первый секс. Одновременно эти проявления телесной интимности означают и конструирование новых идентичностей: обычно (но не всегда!) такая близость позволяет говорить: «он мой молодой человек», «она моя девушка», «мы встречаемся» и т. д.

Категория «изменчивость» описывает не только восходящую стадию формирования интимной пары как малой группы, но и нисходящую. Здесь пара возникает в новом качестве: например, пара страстных влюбленных превращается в пару старых друзей, в которой эротическая интимность уже не является определяющей характеристикой. Исчезновение интимной пары – это одновременно и возникновение нового феномена: бывшей интимной пары, существующей как воспоминание, вторгающееся в тех или иных формах в новую жизнь.

Энергия формирования пары

Стремление объединяться в группы – самое главное свойство людей [Forsyth, 2014: 1]. Интимные пары представля-

ют собой частный случай этого процесса. В таком объединении проявляются, с одной стороны, универсальные характеристики групп, а с другой – существенные особенности.

Интимная пара возникает в результате стремления двух индивидов быть вместе. Поэтому проблема пары не сводится к формуле «1 + 1 = пара». Остаются вопросы относительно причин этого процесса. Почему два человека стремятся друг к другу? Почему они делают именно такой выбор в условиях наличия множества вариантов? Можно выделить несколько причин.

Сексуальное влечение. Проявляющееся в разных формах – от сугубого физиологической страсти до возвышенной любви. На первом уровне мотивации индивид, по сути, не сильно отличается от животных. Зоологи в изобилии находят параллели с природой. Два человека преобразуют энергию сексуального влечения в поступки и практики: флирта, ухаживания, ритуала завоевания симпатии, социального обмена и т. д. Биологическая энергия преобразуется в социокультурные формы. Чтобы удовлетворить физиологическое влечение в обществе, неизбежно надо исполнять соответствующую социальную роль и вступать в социальное взаимодействие, «упаковывая» в него собственно сексуальные отношения.

В традиционной культуре сексуальное влечение оправдывалось необходимостью продолжения рода и жестко увя-

зывалось с браком. В современных же обществах, прошедших или проходящих через сексуальную революцию, эрос отделяется не только от своего биологического оправдания как средства воспроизводства рода, но и от брака [Логю, 2014]. Он становится самостоятельной ценностью, формируя смысл возникновения гедонистических пар как социальной формы обеспечения удовольствия и комфорта.

Природная энергетика сексуального влечения принимает, в свою очередь, разные формы.

Сексуальное возбуждение – простейшее природное влечение. Зигмунд Фрейд [Фрейд, 1991] рассматривал сексуальную энергию (либидо), порождающую напряжение и ищущую разрядки, в качестве ключевого механизма влечения. Иногда эту концепцию применяют также в качестве физиологической концепции любви. Тем не менее приравнивание сексуального влечения к любви неоправданно примитивизирует человеческие отношения. «Если следовать такому взгляду на сексуальность, – пишет Эрих Фромм, – идеальным средством удовлетворения влечения была бы мастурбация» [Фромм, 2004: 107].

Такое влечение краткосрочно и проходит после его удовлетворения. Если бы мы исходили только из физиологии, то история пары имела бы мимолетный характер: возбуждение прошло, поэтому нет причин затягивать отношения. Это логика животного мира, никуда не исчезающая и в сообществах людей. Пары, объединенные только физиологическим

сексуальным влечением, представляют собой пластичные, очень кратковременные образования. Практики формирования подобных пар принимают вид сексуального «серфинга»: индивид, почувствовав сильное сексуальное возбуждение, ищет способы его быстрого удовлетворения. Добившись своего, он теряет интерес к своему партнеру. Именно такое сексуальное влечение лежит в основе формирования мимолетных пар в пространстве коммерческого секса, но не только там.

Нормативная культура может жестко осуждать и даже карать такие отношения или относиться к ним снисходительно. В обществах, опирающихся на всепроникающие традиции, доминирует первый вариант регулирования. В современных же обществах прежние механизмы подавления таких форм проявления сексуальности ослаблены, а культура гораздо более толерантна. Кроме того, проституция приняла форму хорошо организованной индустрии, позволяющей удовлетворять сексуальные потребности без обременения устойчивыми, а потому сложными отношениями.

Влюбленность – это сексуальное влечение, более основательно укорененное не только в физиологии, но и в психике и культуре. Она предполагает стремление как к эротической, так и к духовной и интеллектуальной интимности. Влюбленность относительно устойчива во времени и не привязана к акту сексуального удовлетворения. Однако такое влечение относительно кратковременно: быстро достигнув

рика, оно сменяется разочарованием. Данный человек – это «самый-самый», но только здесь и сейчас. И очень скоро о прошедшей влюбленности вспоминают со смесью удивления и самоиронии.

Любовь – это относительно устойчивое сексуальное влечение к конкретному индивиду, наделяемому статусом уникальности. Именно осознание уникальности объекта четко отделяет любовь от физиологического по своей природе влечения. Для Э. Фромма любовь – «это стремление к полному слиянию, единению с единственным другим человеком. По своей природе она исключительна» [Фромм, 2004: 124]. Категория «любовь» объединяет большое количество разнообразных форм эротического влечения. Канадский психолог Джон Ли [Lee, 1973] предложил часто цитируемую и по сей день классификацию любви, выделив целый ряд идеальных типов: страстная, гедонистическая, любовь-дружба, рассудочная, любовь-мания, любовь-самоотдача. Минусом этой классификации является одновременное использование разных оснований для выделения идеальных типов.

Энергия одиночества. Абрахам Маслоу на втором уровне пирамиды потребностей поставил потребность в безопасности, подразумевая не только безопасность в узком смысле этого слова, но и стабильность, защиту, свободу от страха, тревоги и хаоса [Маслоу, 1999: 81–82]. Даже в современном мире немало обществ или просто районов, улиц, где женщи-

нам небезопасно находиться без мужского сопровождения, в ряде культур это даже считается неприличным и недопустимым. Таким образом, за бегством от одиночества может стоять и базовая потребность в безопасности.

Кроме того, человек – социальное существо. Люди всегда жили в коллективах того или иного масштаба, социальность – часть человеческой природы, одна из насущных жизненных потребностей. Как отмечал А. Маслоу, на новом витке мотивационной спирали, когда удовлетворены базовые физиологические потребности и обеспечена безопасность, «человек как никогда остро начинает ощущать нехватку друзей, отсутствие любимого, жены или детей»; он «терзаем чувством одиночества, болезненно переживает свою отверженность» [Маслоу, 1999: 86–87]. Одиночество болезненно, а то и мучительно, поэтому камера-одиночка используется как форма цивилизованной пытки.

Слово «одиночество» понятно почти всем, но в то же время оно ускользает от попыток дать ему четкое и принимаемое всеми определение. «Одиночество – слово, имеющее многочисленные значения и еще большее число интерпретаций» [Покровский, Иванченко, 2008: 1]. Его содержание определяется не только используемой исследовательской оптикой, но и конкретными ситуациями, отражаемыми в нем. Часто одиночество трактуется как болезненно переживаемый дефицит интимности.

Человек убегает от одиночества в разных направлениях:

в толпу, трудовые коллективы, аудиторию театра и кино, СМИ, дружбу. 65 % опрошенных россиян считают, что отсутствие семьи и детей часто заставляет людей чувствовать себя одинокими. Одиночество среди семейных людей отметили только 6 % респондентов⁷. Создание интимной пары – разновидность такого бегства. Демонстрация одиночества как осознанного выбора часто является формой рационализации сложившегося положения: оно обосновывается в убедительных для окружающих и самого человека рациональных терминах.

В то же время, как утверждает экзистенциальная философия, одиночество не сводится к переживанию ситуативной изоляции. Это способ бытия человека («Я»). Хосе Ортега-и-Гассет пишет об «одиночестве-неслиянности», и в этом качестве оно непреодолимо. «Человеческая жизнь, – утверждает он, – в силу своей неотчуждаемости по сути есть изначальное одиночество» [Ортега-и-Гассет, 1991: 262]. Человек не может передать свое «Я» другому, не может слиться с другим «Я», не может смотреть на мир с чужой колокольни, полностью совпадающей с его точкой наблюдения мира. Люди обречены в лучшем случае на недопонимание, а в худшем – на полное непонимание друг друга.

Взаимная любовь представляет собой идеальную модель

⁷ См.: Одиночество, и как с ним бороться? // ВЦИОМ. 2018. 15 февраля. № 3581. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116698> (дата обращения: 08.04.2020).

преодоления одиночества. В ней – мечта уйти от него через духовное и телесное слияние с любимым человеком.

Люди проявляют противоречивые тенденции, что обусловлено противоречивостью их психической организации. С одной стороны, они бегут от одиночества, а с другой – они периодически ищут уединение, отсутствие которого для многих не менее тягостно, чем одиночество. Устав от одного, они ищут противоположное. Уединение – это желанное в данный момент одиночество.

Нельзя жить в обществе, не принадлежа ни к одной группе. Интимная пара лишь одна из многих их разновидностей. Люди, живущие соло, не имеющие интимного партнера, не абсолютно одиноки. Многие из них принадлежат к другим группам, включены в иные типы интимности. Например, «мать-одиночка» связана тесными узами (по крайней мере, на ранних этапах) с ребенком, у нее могут быть родственники, друзья, она может быть членом каких-то коллективов.

Энергия человека может проявляться в самых разных видах активности.

Проблема конвертации энергии из одной формы в другую была поднята во фрейдизме. Эта энергия обозначается в нем с помощью термина «либидо». З. Фрейд описывал ее в терминах сексуальности, которая понималась им предельно широко и могла проявляться во всех сферах деятельности человека. Либидо – не имеющая содержания энергия, питаю-

щая все формы деятельности, это стремление, направленное на получение удовольствия, не сводимое к сексу, в широком смысле это жажда жизни вообще, понимаемой как снятие напряжения, возбуждения через разрядку. Поэтому категория либидо применима не только к сексуальности как таковой, но и к политике, искусству, труду и т. д. Описание либидо в терминах сексуальности, пусть и трактуемой максимально широко, часто ведет к предельной вульгаризации классического фрейдизма и к сведению либидо к простому сексуальному влечению. З. Фрейд не так прост, как кажется при поверхностном чтении. Именно в таком упрощенном виде категория либидо включена в язык современной сексологии и сексопатологии, откуда перекочевала в обыденный лексикон образованной публики.

Карл Густав Юнг, соратник З. Фрейда, старался прояснить смысл либидо, очищая его от вводящей в заблуждение абсолютизации сексуальности, характерной для З. Фрейда. Он понимал под либидо всю психическую энергию, порождающую желание и принимающую самые разнообразные формы, одной из которых является сексуальность. Это энергия, толкающая ко всем видам деятельности [Юнг, 1995]. Либидо у Юнга схоже с категорией воли у Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше или «жизненного порыва» (неукротимого стремления к действию, к творчеству) у Анри Бергсона. Например, Ф. Ницше понимал под «волей к власти» стремление к достижениям и реализации амбиций в раз-

ных сферах жизни [Ницше, 1995]. Такое понимание универсальной энергии вызывает ассоциации с более древними категориями «ци» в системе цигун и «праны» в йоге. Исходя из этой логики, можно утверждать, что формирование интимных пар не является единственным каналом выхода энергии. Это лишь один из возможных вариантов.

Процесс превращения сексуальной энергии в деятельность, далекую от удовлетворения сексуальных потребностей, З. Фрейд определял как «сублимацию». В этом случае происходит «отказ от сексуальных целей, известная десексуализация» [Фрейд, 1989: 434–435]. Иначе говоря, энергия сексуального влечения может превращаться в энергию творчества или волю к власти и славе. Или, если выйти за рамки сугубо фрейдистской логики, то можно сказать, что физиологическая и психическая энергия человека может выливаться в самые разнообразные формы. И это частично объясняет одиночество как жизненную стратегию или вынужденное временное положение.

Одной из причин добровольного отказа от стремления к созданию интимной пары является асексуальность, понимаемая как новый вариант сексуальной ориентации наряду с гетеро-, гомо- и бисексуальностью [Chasin, 2019]. Как показал опрос в Великобритании, 1 % респондентов ответили, что никогда и ни к кому не чувствовали никакого сексуального влечения [Bogaert, 2004].

Культурное принуждение. На всех этапах человеческой истории и во всех культурах индивидуальная сексуальная потребность приобретала форму осознанной социальной целесообразности: люди, занимаясь сексом, не только решают личную гедонистическую проблему, но и обеспечивают воспроизводство своего рода, группы, нации, населения государства. Таким образом, смысл сексуальных отношений выходит из частной сферы в публичную, становится социальным. Это порождает механизмы социокультурного принуждения: устанавливается норма, предполагающая, что «нормальный» человек формирует пару с перспективой создания семьи и рождения детей. Политики и чиновники озабочены сексуальностью, рационализируемой в терминах «решения демографической проблемы» [Гурко, 2013; Печерская, 2013], а старшее поколение ждет внуков [Шадрина, 2014: 145–168]. Одиночество либо стигматизируется в терминах социальной неудачливости («бедняга», «не везет», «не может найти пару» и т. п.), либо патологизируется как медицинское или моральное отклонение («у него/нее что-то не в порядке»).

Как показывают опросы населения, большинство россиян поддерживают мнение о необходимости создания семьи и регистрации отношений (78 % в 2017 году и 77 % в 2019 году), особенно люди старше 60 лет (84 %). Еще 11 % опрошенных придерживаются почти той же позиции, но не считают регистрацию брака обязательным условием

создания семьи⁸.

Вокруг индивида формируется сеть социальных ожиданий относительно того, что он «нормальный», что его жизнь сложится хорошо, что он найдет свою «половинку» и т. д. Если он об этом «забывает», ему обязательно напомнят и даже постараются помочь. Тот, кто не соответствует социальным ожиданиям, испытывает выталкивающую энергию маргинализации. И хотя сегодня либерализация нравов ослабляет такое общественное принуждение, говорить, что оно ушло в прошлое, по-прежнему нет оснований.

Таким образом, процесс формирования пары имеет двойственный характер. С одной стороны, индивиды разбиваются по парам, проявляя свою движимую сексуальностью свободную волю, которая перерастает в процесс социального воспроизводства – общественных форм и населения (членов рода, социальной группы, социального института). С другой стороны, свободная воля находится под мощным давлением культуры и социальных ожиданий окружающих, принуждающих к активному и свободному участию в воспроизводстве существующих типов социальных отношений. В этом случае свобода принимает иллюзорную форму: индивид делает свободный выбор, опираясь на воспитанные в нем ценностные ориентации и усвоенные нормы культуры.

⁸ См.: Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. № 4002. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 08.04.2020).

Оптимальная организация повседневности. Люди объединяются в разного рода группы, коллективы и сообщества для решения самых разнообразных рутинных и стратегических проблем. Интимная пара – один из вариантов такой кооперации. Многие повседневные проблемы проще решать вдвоем: гулять, веселиться, ходить в кино, снимать жилье, организовывать питание и т. д. Суть этой житейской мудрости четко схвачена в песне, не теряющей актуальности многие годы:

*Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоем вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то, что жить на земле.*

(Ольга Фокина)

Макро- и микроподходы

Понимание социальной структуры как закономерности общественного развития характерно для методологического коллективизма, или холизма (Э. Дюркгейм, поздний Т. Парсонс и Луи Альтюссер). Этот подход жестко отделяет социологию от психологии, представляя социальную структуру как нечто совершенно свободное от субъектности индиви-

дов, «она действует механически поверх их голов» [Рогорова, 1998: 339].

Микросоциологические концепции, в свою очередь, обычно выводили за скобки социальную реальность макроуровня как нечто незначимое.

Очевидные издержки двух крайних подходов породили интегративный тренд, или поворот к экзистенциальной повседневности [Штомпка, 2009; Ильин, 2016б], снимающий противопоставление макро- и микроуровней. С одной стороны, индивиды живут в контексте культуры, государственного регулирования, а их индивидуальные статусы определяются принадлежностью к большим группам – нациям, этносам, классам, профессиональным и религиозным сообществам и т. д. С другой стороны, элементы социальной структуры макроуровня (государство, церковь, рынок, социальные группы и т. д.) становятся социальной реальностью только при условии вольного или вынужденного принятия индивидами их статусных предписаний. Иначе говоря, социальные роли исполняются индивидами, которые не могут выйти за пределы влияния тела и психики.

Интимная пара представляет собой социальную единицу микроуровня, логика формирования, воспроизводства и распада которой определяется как отношениями двух индивидов и их непосредственного окружения, так и общим социальным и культурным контекстом, задающим и навязывающим образцы поведения (например, через массовую куль-

туру, отражающую и распространяющую формы «современных» отношений, состояние экономики страны, ситуацию на рынке труда, международную обстановку, режим мобильности и т. д.).

Исследование интимной пары как социальной единицы может опираться и на теорию структуризации Энтони Гидденса [Гидденс, 2003]. Социальная структура и действующие индивиды представляют собой не противоположные полюса, а взаимозависимые стороны одних и тех же процессов. Социальная структура существует в виде конфигураций социальных процессов, осуществляемых индивидами, воспринимающими, интерпретирующими и использующими правила и ресурсы. С одной стороны, социальная структура формирует поведение людей, а с другой – она возможна только в виде конфигурации их деятельности. Правила превращаются в поступки и практики, только будучи принятыми индивидами в качестве руководства к действию и усвоенными в качестве личных убеждений и склонностей. Без этого мораль и практическая нравственность развиваются самостоятельными путями.

Формирование пары как экзистенциальная ситуация

Если жизненный мир индивидов, выполняющий функции социальной навигации, строится на религиозных принципах,

то проектирование пары – достаточно простая задача: Все-вышний как главный дизайнер все уже спроектировал, остается только суметь построить отношения по Его плану. А если «Бог умер», как констатировал Ф. Ницше? Из этого следует вывод в виде крылатого выражения, синтезирующего логику романа Федора Достоевского «Братья Карамазовы»: «Если Бога нет, то все дозволено». Этот вывод не обязательно трактовать как конец морали. Он означает лишь то, что мораль в этом случае является продуктом человеческой деятельности, и в ее обосновании нет смысла ссылаться на авторитет Творца. А отсюда вполне логично вытекает принцип, сформулированный Жан-Полем Сартром: человек обречен быть свободным, делать свободный выбор и нести ответственность за него [Сартр, 1989: 327].

Индивиды создают пары, свободно выбирая приемлемые формы интимного сосуществования и неся бремя ответственности за неудачный выбор партнера или своего поведения по отношению к нему. Однако, очистив свою систему социальной навигации от аксиомы Бога, индивиды не могут столь же легко освободиться от глаз соседей по обществу, которых часто раздражает, что чей-то свободный выбор не соответствует их вкусу. Изгнание из рая не является исключительно Божественной прерогативой.

Последствия раздражения для конкретной пары пропорциональны власти того, кто недоволен чужим свободным выбором. Это может быть власть родителей, друзей, коллег, на-

чества, церкви или государства. В результате свободный выбор делается в рамках доступных возможностей и с учетом ограничений, от которых никак не избавиться. Индивиды в любом случае несут бремя ответственности за принятые ими решения, а ссылки на обстоятельства не уменьшают драматизм последствий, а лишь являются фигурой самооправдания.

Что бы с человеком ни происходило, он пытается найти в этом смысл. Поиск последнего, как показал Виктор Франкл, осмысливший опыт выживания в концлагере [Франкл, 1990], не в природном любопытстве, а в том, что видение смысла облегчает страдания. Стремление к его поиску является врожденной мотивационной тенденцией.

Смысл – это обнаружение логических связей и зависимостей, включающих конкретную ситуацию в более обширный проект. Люди, способные размышлять о своей жизни, рассматривают собственную биографию как часть масштабного проекта, который выходит за скобки, обрамляющие годы жизни. У глубоко верующих это может быть служение Богу, позволяющее надеяться на райскую загробную жизнь. В такой проект порою включается семейная жизнь как сакральное жертвоприношение, подавление греховных позывов плоти и т. п. У неверующих это может быть служение родине, нации, партии и т. д., дающее силы на самопожертвование. Более скромный вариант – включение своей индивидуальной жизни в семейный проект (например, смыслом

жизни становится служение супругу и детям, строительство родового гнезда). В крайней форме самая невыносимая семейная жизнь превращается в жертвоприношение во имя семьи и детей.

В. Франкл, с одной стороны, считал стремление к поиску смысла врожденным, а с другой – отмечал экзистенциальный вакуум как ситуацию, в которой человек не осознает смысла своей жизни. Большинство людей, видимо, не склонны к размышлениям в масштабных терминах смысла жизни («Зачем я живу?»). Потребности практики обслуживаются здравым смыслом, который не нуждается в таких философских категориях. Экзистенциальный вакуум порождается не только тем, что ищущий человек не может найти смысл своей жизни, но и тем, что он это и не пытается сделать.

В повседневной жизни гораздо важнее умение находить смысл в масштабе ограниченных во времени ситуаций. Он состоит, во-первых, в способе включения конкретной ситуации в сеть других ситуаций («то, что я делаю сейчас, позволит мне завтра получить...»); во-вторых, в подчинении данной ситуации каким-то принципиально важным ценностям. Череда локальных ситуативных смыслов может выстраиваться в логически упорядоченный тренд – ретроспективно его можно определить как смысл жизни, о котором индивид и не думал.

Неформализованная интимная пара – это ситуация, требующая поиска ее смысла (например, «зачем мы вместе?»).

Наиболее распространенные смыслы можно разбить на две категории: (1) смысл интимной пары состоит в подготовке к заключению брака и началу семейной жизни; (2) ее смысл сводится к гедонистическому проекту, локализованному во времени и пространстве, он находится здесь и сейчас и подчиняется простой логике: вдвоем сейчас приятнее, чем порознь. Смыслы, приписываемые интимной паре как проекту, в существенной мере определяют конфигурацию отношений в ней. В. Франкл считал, что наслаждение не может быть смыслом жизни, так как оно является внутренним состоянием субъекта. Однако жизнь показывает, что иные ориентиры могут и не просматриваться.

Интимность и социальное закрытие

Любая группа предполагает наличие механизмов социального закрытия. Они могут быть жесткими или очень мягкими (в последнем случае говорят об открытости группы), но они присутствуют в любом случае. Разные типы групп используют различные механизмы. Неформальные интимные пары в этом отношении отличаются большим своеобразием.

Интимность порождает как открытость, так и закрытость. С одной стороны, режим интимности, обращенный вовнутрь, предполагает открытость, откровенность, доступность, взаимные права и т. д. С другой стороны, интимность означает режим закрытости границ пары вовне. Для

посторонних пара закрыта: на ее границе вместо откровенности на первый план выходит цензура, а телесная доступность сменяется недоступностью. Этот режим контролирует потоки информации, стиль общения, телесное взаимодействие. Через режим интимности/закрытия формируется граница между «Мы» и «Они».

Интимность многослойна и многогранна.

Во-первых, это *интеллектуальная интимность*. С другим можно обмениваться идеями, информацией, выводами, рассчитывая на понимание и будучи уверенным, что «это останется между нами». Конфиденциальность – это интеллектуальная интимность.

Во-вторых, это *духовная интимность*, предполагающая общность ценностных ориентаций. Он и Она исходят из общих принципов (моральных, религиозных), имеют схожие представления о счастье (желанном будущем, критериях оценки настоящего) и т. д.

Упомянутые выше два типа интимности воспроизводятся через практики общения. Наличие такой интимности констатируется в обыденной речи с помощью фраз: «нам есть о чем поговорить», «мы понимаем друг друга с полуслова», «мы говорим на одном языке», «у нас нет друг от друга секретов». В интимной паре постепенно формируется свой «диалект», с помощью которого, говоря словами Питера Бергера и Томаса Лукмана, мир и постигается, и производится [Бергер, Лукман, 1995: 249]. Этот «диалект» включает

не только набор специфических слов или значений, понятных лишь двоим, но и арсенал непроговариваемого, «само собой разумеющегося». При большом опыте использования такого «диалекта» формируется общение в форме совместного молчания, которое не тяготит и не отчуждает.

В-третьих, речь можно вести и о *телесной интимности*, предполагающей эксклюзивные права на тела друг друга как на объекты эротических практик. В крайних случаях эти права порождают ассоциации с собственностью.

В идеальном варианте все типы интимности в паре совпадают: с партнером можно и душевно поговорить, и заняться сексом. Однако в реальности такое совпадение случается не всегда. И тогда происходит расщепление интимности, при котором тот или иной ее тип выводится за границы данной пары. Например, Он и Она получают взаимное удовлетворение от секса, но полноценное общение не получается, что создает вероятность возникновения режима недостающей интимности с другими людьми.

Норберт Элиас [Элиас, 2001] отмечал, что в ходе цивилизационного процесса эротическая интимность постепенно ограничивается частной сферой и в конечном счете оказывается за сценой. Тщательно скрываема от посторонних глаз спальня стала единственным пространством для телесной интимности. Оказавшись на публике, эротическая интимность вызывает чувства смущения и стыда.

Сакрализация и десакрализация интимности

Стремление к сакрализации сексуальной интимности имеет универсальный характер: им в той или иной степени пронизана вся письменная история человечества. О дописьменной истории в данном случае лучше не говорить, так как гипотезы относительно духовной жизни едва ли возможно проверить. Сакрализация осуществляется в моральных и религиозных терминах, которые часто переплетаются.

Из множества телесных практик эротические и сексуальные выделяются в морали в особую категорию, наделяемую сакральным и символическим смыслами. Поцелуй и секс оказываются не просто техниками получения удовольствия: они становятся символами, смысл которых находится далеко от логики телесности, организованной вокруг простого принципа поиска удовольствия и минимизации дискомфорта. В традиционных обществах за нарушение сакральных границ супружеской интимности наказывали самым жестоким образом вплоть до смертной казни, приравнивая это «преступление» к осквернению святынь и предательству своего государства.

Фридрих Энгельс [Энгельс, 1961] показал, что за сакрализацией сексуальной верности стоят вполне рациональные аргументы: нарушение супружеской верности чревато воспитанием чужого ребенка, которому будет передано наслед-

ство. Таким образом, сакральный принцип верности обеспечивал передачу наследства биологическим детям главы семейства. В условиях отсутствия противозачаточных средств корреляция супружеской неверности и такой перспективы была очень высока. Причем этот риск распространялся и на добрачные отношения. Кроме того, вне брачного контекста для женщин был огромный риск перспективы получения позорного в традиционном обществе статуса матери-одиночки.

Пережитки такой сакрализации на уровне морали встречаются и по сей день: побои и убийства на почве ревности представляют собой практику, распространенную во всем мире, а государственное правосудие нередко рассматривает приступы ревности на почве «осквернения священных уз» как смягчающее обстоятельство. Например, ст. 107 (п. 1) Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве смягчающего обстоятельства рассматривает «состояние аффекта» (сильного душевного волнения), причиной которого могут быть «тяжкое оскорбление» или «аморальные действия» потерпевшего. Убийство одного человека в состоянии аффекта может быть наказано исправительными работами на срок до двух лет, ограничением свободы на срок до трех лет, принудительными работами на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок. Менее тяжкие последствия аффекта от оскорбления чувств (например, побои) часто вообще под разными предлогами не принимают-

ся к рассмотрению [«Я могу тебя убить...», 2018].

Противоречие биологически обусловленного стремления к удовольствию и сакрального принципа всегда и везде толкало к нарушению последнего. Христианский миф об Адаме и Еве, которые не побоялись Самого Бога и перспективы изгнания из Рая, отдав приоритет принципу удовольствия, – классическая формула такого конфликта, порождающего практическую нравственность, существенно отклоняющуюся от нормативной морали даже в религиозных обществах (нельзя, но если очень хочется, то можно тайно).

Распространение философии рационализма вполне закономерно требовало подвергать все сомнению и проверке. Не стали исключением и сакральные принципы, охраняющие границы интимности. Над ними повис вопрос: «А почему, собственно, надо отказываться от телесных удовольствий?» Пока в головах у людей крепко сидит вера в неизбежность наказания на том свете за грехи этого света, объяснить легко: «Так Бог велел!» А если Бога в голове нет?

С интимными парами, не освященными узами брака, еще сложнее. В сакральных текстах форма таких союзов не прописана, поэтому ссылка на Бога не работает. Моральные же принципы рукотворны, а потому открыты сомнениям и модификациям. Мораль, отрываясь от религиозных корней, освященных традицией, открыта ветрам плюрализации. И здесь возникает возможность выбрать мораль под себя.

В наиболее радикальной форме эти сомнения выразились

в принципе «стакана воды», ставшем популярным в 1920-е годы: секс – это такой же естественный физиологический акт удовлетворения базовой потребности, как и утоление жажды. Следовательно, он не связан с социальными предпосылками (например, принадлежности к одной паре, верностью партнеру). Истоки этого принципа – в идеологии и практике движения за равенство социальных прав женщин и мужчин еще с середины XIX века. Однако до изобретения эффективных средств контроля рождаемости этот принцип сталкивался с риском воспитания ребенка без отца.

И только с появлением в 1960-е годы противозачаточных таблеток принцип сакрализации сексуальной верности партнеру потерял очевидную рациональную основу, что дало толчок сексуальной революции, разрушающей сакральность эротических и сексуальных практик. У последних остается лишь один фундамент: вера в незыблемость и очевидность моральных и религиозных принципов верности. Однако большое количество аборт и рождений детей без перспективы создания полной семьи (особенно среди подростков) свидетельствует, что возможности контроля рождаемости по-прежнему используются далеко не всеми.

Ритуализация отношений

Категории знака, символа и ритуала давно вошли в широкий обиход разных наук. С одной стороны, этот факт отража-

ет наличие общего языка в разных сферах познания и практики. С другой – нельзя игнорировать то, что категории, будучи инструментом познания, не могут быть универсальными. Так, логика их использования в изучении религиозной жизни африканских племен, представленная в классической работе Виктора Тёрнера «Символ и ритуал» [Тэрнер, 1983], не может быть просто заимствована для микроанализа романтических отношений в современном российском мегаполисе. Инструментарий должен быть адаптирован для решения конкретных задач.

Знаком является все, что подвергается интерпретации, считывается. Функцию знака выполняют эмоции, по которым люди распознают наличие или отсутствие интереса и влечения, их характер, интенсивность. По внешнему виду пытаются распознать внутренние свойства человека. Например, спортивное телосложение может интерпретироваться как проявление способности к самоконтролю, мобилизации, а избыточный вес говорит не только о состоянии здоровья, но и об образе жизни, расслабленности, лени. Жизнь оставляет следы, которые в межличностной коммуникации выполняют функцию знака. Так, увлечение алкоголем и наркотиками оставляет отпечатки, которые считываются.

Символ – искусственный, сконструированный знак, который на что-то указывает, что-то обозначает, к чему-то отсылает. Это «что-то» не открыто непосредственному наблюдению. Символ здесь, а «что-то» – где-то. Значение символа

не очевидно и не лежит на поверхности. Сколько на символ ни смотри, а его смысл сам по себе не прояснится. Его значение – результат своего рода согласования, договоренности (например, кольцо на пальце левой руки – символ развода), обучения социальным канонам. Люди, которые об этой договоренности не знают, могут приписывать символу совершенно иные смыслы, как и люди, находящиеся в иной культурной или субкультурной среде. Примером такого символа в интимных отношениях можно назвать цветы: каждый цвет несет свой особый смысл, что позволяет превратить букет в текст, понятный владеющему таким языком.

С технической стороны ритуал состоит из комплекса символов и символических актов. В. Тёрнер рассматривал символ как элементарную единицу ритуала. Однако не любой комплекс символов порождает ритуал. Он состоит из сакральных символов. Содержание ритуала отсылает к тому, что наделяется в данной культурной системе сакральным смыслом. Это могут быть Бог, боги, духи и прочие сверхъестественные силы, к которым можно обращаться. Так, венчание в церкви – это ритуал, привлекающий Бога в качестве свидетеля и гаранта союза. Верующие в молитве часто обращаются к Богу за помощью в романтических делах: просят взаимности, хорошего жениха и просто замужества. В гражданской религии роль бога выполняют государство, народ, различные организации (партии, корпорации). Ритуал может декларировать разделяемые его участниками ценности: люб-

ви, верности, самопожертвования, семьи, свободы, верности традиций, нации, религии и т. д. Есть и другой подход к пониманию ритуала и ритуализации, фактически сводящий последний процесс к рутинизации. А отсюда один шаг до изучения ритуалов в животном мире, что характерно для социобиологии. Однако такое расширительное понимание ритуала существенно снижает эвристический потенциал этой категории.

Ритуал проявляется как представление, спектакль, перформанс. Серия исполняемых символических действий предполагает воздействие на других исполнителей и наблюдающую публику. Яркий пример – свадьбы, нередко превращающиеся в масштабные статусные представления.

Ритуал – это динамичный феномен, который возникает, формируется, достигает апогея и исчезает или превращается в нечто иное (например, этикет). Кэтрин Белл сдвигает фокус на процесс ритуализации [Bell, 1992: 74], который перекликается с концепцией практик Пьера Бурдьё, но не сводится к ней. Этот процесс противостоит рутинным, утилитарным действиям.

Ритуал обозначает сферу сакрального, противостоящего профанному, приземленному. Ритуальное действие может содержать утилитарный компонент, однако он имеет сугубо периферийный смысл (например, причащение вином и хлебом в церкви). Такое действие, обсуждаемое в терминах практического смысла, бесполезно или излишне. Например,

зачем организовывать торжественный ужин по случаю годовщины знакомства в дорогом ресторане, если дома это сделать проще, дешевле и даже вкуснее?

Внешне ритуал близок к этикету, но между ними есть серьезные различия. Ритуал отсылает к чему-то сакральному, а этикет – к общепринятому, к нормам приличия. Внешне они порой похожи, однако различны по своей сути. При этом суть часто не видна, она в отношении к символическому действию. Одно и то же действие может восприниматься и как этикетное, и как ритуальное. Например, мужчина, подающий женщине пальто, следует нормам традиционного этикета. В то же время в контексте культурного феминизма это может восприниматься как ритуал патриархальной культуры, воспроизводящей гендерное неравенство. В первом случае этот жест, даже если он кажется функционально бессмысленным, воспринимается нейтрально: «если в твоей среде это принято, то почему бы и нет». Во втором случае это может восприниматься болезненно. Это же относится и к поздравлениям с «женским днем» (Международный женский день). Принести кофе в постель любимому человеку может быть просто проявлением внутреннего этикета и привычного поведения пары («у нас так сложилось»), но этот же жест может принимать возвышенный ритуальный характер, интерпретироваться как проявление любви. Для верующих венчание в церкви – значимый ритуал, ведь брак санкционируется на небесах. Однако нередко венчаются и неверующие

люди, для которых это пустая форма, принятая в их среде, навязанная родителями или выбранная потому, что «это так красиво».

Ритуалы в интимной паре можно разделить на три типа: ритуалы идентичности, перехода и служения.

Ритуалы идентичности. С помощью такого ритуала единичное событие вписывается в гораздо более широкий контекст, приобретая за счет этого гораздо более важный смысл, чем тот, который просматривается при сугубо утилитарном его рассмотрении. Через ритуал конструируется солидарность, коллективная идентичность: «Мы» – это те, кто принимает участие в ритуале, понимая его смысл, а «Они» смотрят на нас в недоумении.

Интимная пара, соблюдающая принятые в данном обществе или сообществе ритуалы, обозначает свою принадлежность к нему (данному обществу, нации, церкви, конфессии). «Посредством ритуала закрепляется принадлежность (приобщение) к сакрально значимой группе, культовому сообществу» [Левада, 2010: 458]. Если эти макросообщества не сакрализируются, то подчинение их правилам перестает быть ритуалом и становится проявлением обычного конформизма, то есть боязни оказаться осуждаемой и высмеиваемой «белой вороной».

Ритуалы среднего уровня воспроизводят принадлежность пары к окружающей социокультурной среде. Ритуалы мик-

роуровня понятны только самим партнерам. Они нагрузили какие-то поступки или вещи символическим смыслом, выходящим за грани очевидного. Нарушение этих ритуалов символизирует расшатывание основ данного союза («Значит, ты меня не любишь!»). Посторонним этот интимный ритуал может быть совершенно не понятен, казаться странным. Кроме того, есть интимные ритуалы, заимствованные из культуры внешней среды (например, дарение цветов).

Через используемые символы, ритуалы и этикет интимная пара формирует и воспроизводит себя, с одной стороны, как автономную и закрытую социальную единицу («наши символы», «наши ритуалы»), а с другой – как часть большой социокультурной общности («так принято», «так делают все»). В символическом действии проявляется двоякая природа интимной пары: она выступает автономной социальной молекулой больших групп, сообществ, социальных институтов.

Ритуалы перехода. Они наиболее активно изучаются в антропологии. Это те же ритуалы идентичности, но в контексте потока времени. Смысл ритуалов перехода не вытекает из физической природы действия. Он им приписывается участниками. В истории пары динамика сексуальной интимности маркируется событиями, которые приобретают характер ритуалов перехода из одной фазы в другую.

Например, первый поцелуй может рассматриваться как

ритуал перехода двух индивидов к интимной паре. Первый секс может рассматриваться как ритуал перехода к серьезным и доверительным отношениям. Разумеется, здесь важную роль играет оговорка «может», так как ритуал не имеет объективного содержания. Это условность, результат взаимного определения ситуации. Тот же акт первого поцелуя или первого секса может не нагружаться ритуальной функцией, если участники не придают ему смысла сакрального перехода к новому состоянию. В этом случае физическая близость не порождает новое качество в виде интимного союза и остается лишь физическим актом.

Ритуалы служения. Любовь в форме страсти порождает сакрализацию объекта влечения через процесс, который Фредерик Стендаль назвал «кристаллизацией» [Стендаль, 1978]. Любимый человек обожествляется, что порождает ритуализацию многих обыденных практик (например, дарение цветов, помощь в надевании пальто, простое прикосновение к телу). Эти акты начинают напоминать то, что происходит в церкви. Каждый акт, физическая природа которого либо лишена смысла, либо имеет его в очень ограниченном объеме, становится актом сакрального служения либо партнеру (например, «Прекрасной даме»), либо паре как священному союзу. Как для неверующего религиозные обряды кажутся нелепыми, так и для постороннего наблюдателя, не способного к эмпатии в силу отсутствия аналогичного опыта, прак-

тики интимной пары кажутся лишенными смысла.

Практики наделяются статусом ритуала людьми, переживающими сакральное состояние, выводящее их за рамки повседневности. Как только проходит такое переживание, прекращается и ритуал. Уходящая страсть снова превращает внутренние ритуалы пары в рутинные этикетные практики с прямым и понятным для «неверующих» смыслом: цветы приносят в дом, чтобы его украсить, кофе варят, чтобы утолить жажду и/или взбодриться, пальто помогают надеть, чтобы быстрее выйти из дома.

Ритуализация отношений, объединяющих двух индивидов в пару, проявляется и в так называемых перформативных высказываниях (utterance). Джон Остин противопоставлял их констатирующим высказываниям, которые что-то описывают, отражают реальность, передают информацию. Перформативные высказывания не отражают, а изменяют реальность. Они не вписываются в шкалу «правда/неправда». В качестве примера такого высказывания он привел фразы, произносимые в момент бракосочетания («Согласны ли вы взять в жены X.? – Да, согласен»). Эти слова не рассказывают о событии. Они сами являются событием, перформансом [Austin, 1962].

Такие высказывания или обмен ими представляют собой ритуалы, формирующие пару и обозначающие переход от одной стадии в ее развитии к другой. В реальной жизни они либо используются как автономные ритуалы, либо имеют дво-

який характер, являясь и ритуалами, и актами, передающими информацию. К подобным перформативным актам относятся объяснение в любви как разновидность ритуала перехода к новому уровню интимности (см. подробнее в главе 3), а также фразы, используемые в ситуации знакомства и завязывания отношений. Если рассматривать их как информационные сообщения, то они могут показаться бессмысленными. Например, «ну и погодка сегодня!». Перформативными высказываниями являются комплименты. Во фразе «какая ты красивая!» информационный компонент либо минимален, либо отсутствует совсем. Он присутствует только в том случае, если девушка не подозревает о своих эстетических достоинствах. Комплимент – это не сообщение, а разновидность ритуала ухаживания. Это же можно сказать и о ласковых кличках, которые используются интимными партнерами обычно при отсутствии свидетелей. В словах «котик» и «зайчик» нет и намёка на отражение реальности. Это в чистом виде ритуальное высказывание.

Интимная пара как перформативный процесс

Только при сильном упрощении, характерном для обыденного сознания, конкретную пару можно рассматривать как единицу, сохраняющую свои качественные характеристики в потоке времени. При внимательном ее анализе она легко обнаруживает свой процессуальный характер. Одну

и ту же пару два раза не встретишь: сегодня отношения в ней уже не те, что вчера, хотя изменения могут быть не столь значительными, чтобы их легко фиксировал глаз. Одного партнера два раза не увидишь, так как он находится в состоянии постоянных изменений в плоскости возраста, обстоятельств и колебаний настроения.

Жизнь интимной пары – это череда ситуаций, выстраивающихся в историю отношений продолжительностью в месяц или десятилетия. Время пары измеряется разными масштабами: это и рутинные циклы дня, и периоды продолжительностью в несколько лет. Ситуации можно разбить на два идеальных типа. (1) Неожиданные и новые ситуации, в которых индивиды вынуждены взвешивать разные доступные варианты, совершать поступки в форме обдуманного выбора, принимая на себя ответственность за последствия, которые не всегда предсказуемы. (2) Ситуации с рутинной конфигурацией полуавтоматических практик, при поверхностном взгляде кажущиеся идентичными тем, что исполнялись вчера, месяц или несколько лет назад (например, дарение цветов или мытье посуды), но в реальности это лишь видимость тождества. Рутинные ситуации известны заранее, а поэтому понятны и предсказуемы. В них прослеживаются два уровня. Это, с одной стороны, культура среды («так в подобной ситуации делают все»), а с другой – ценности и нормы, выработанные индивидами в процессе предшествующего взаимодействия («мы решили делать так»). Однако подо-

бие ситуаций, погруженных в поток времени, не означает их тождества.

Ситуация представляет собой ролевой комплекс, который не сводится к ядру из двух элементов – Он и Она. Во многих ситуациях непосредственно или в воображаемой форме присутствуют другие (публика) – значимые зрители и незначимые свидетели. Индивиды, попав в очередную ситуацию, выбирают роли, которые можно разбить на две категории: (а) предписанные; (б) факультативные (допускающие свободный выбор вариантов). Грань между категориями условна. Индивиды обычно не выбирают роль мужчины или женщины, она как бы «предписана природой» (меж тем, трансгендерные люди оспаривают эту навязанную идентичность). Однако каждый в конкретной ситуации выбирает, роль какого мужчины/какой женщины собирается исполнять, какой вариант из доступного репертуара будет выбран.

Партнеры играют роли, ориентируясь друг на друга, стремясь вызвать желательную реакцию и избежать нежелательной, принимая в той или иной мере в расчет окружение (родителей, друзей, коллег, прохожих). Таким образом, ситуация приобретает характер спектакля, погруженного в контекст обстоятельств и времени.

Эмоциональная работа в интимной паре

Любовь создает энергию взаимного влечения, которая

играет важную роль в формировании и воспроизводстве романтической пары. Однако эта энергия по самой своей природе неустойчива, переменчива, импульсивна. Колебания ее интенсивности и форм у партнеров могут сильно не совпадать, быть асинхронными. Если поведение опирается на несовпадающие фазы настроения и самочувствия, то это чревато конфликтами.

Любовь находит свое выражение через эмоции как видимые и поддающиеся интерпретации знаки и символы. Любовные эмоции обозначают любовь. Формы связи между чувством любви и соответствующими эмоциями (символами) бывают разные. В самой упрощенной форме они могут быть сведены к следующим вариантам: (1) эмоция на видимом уровне полностью выражает невидимое чувство любви; (2) эмоция в искаженном виде репрезентирует чувство (преувеличивая или преуменьшая его); (3) эмоция имитирует отсутствующее чувство [Ильин, 2016а].

Взаимодействие в неформальной интимной паре порождает и негативные чувства – раздражение, злость, усталость, скуку и т. д. Они также могут проявляться в виде соответствующих эмоций, выполняющих коммуникативную функцию.

Культура создает механизмы, позволяющие сгладить последствия нарушения синхронности чувств. Категория «эмоциональной работы» [Hochschild, 1979, 1983; Хокшильд, 2019], применимая в самых разных сферах социальной жизни,

ни, помогает понять, как стихия чувств загоняется в рамки культурных норм, защищающих пару от разрушительных колебаний психики. Эмоциональная работа в паре предполагает, что партнер ситуативно скрывает негативные эмоции или имитирует чувства, которые в данный момент не испытывает, но считает уместным продемонстрировать в конкретной ситуации (например, свидания).

Культура навязывает паре работу над чувствами. Идеальный тип романтической пары, на который многие ориентируются, предполагает наличие любви в ее основе. Было бы наивно предполагать, что реальные пары всегда опираются на нее. Однако далеко не все настолько честны и/или циничны, чтобы прямо декларировать ее отсутствие. И в этих случаях любовь и страсть либо имитируются, либо существенно преувеличиваются.

Любовь как эмоция – это исполнение роли влюбленного (влюбленной) в той или иной социальной ситуации. Как и в театре, исполнителю роли здесь нет необходимости быть по-настоящему влюбленным: достаточно быть убедительным в глазах зрителей. Игра автономна по отношению к чувствам.

Либерализация морали, уходящая корнями в давнюю историю, приобретает внушительные масштабы: уменьшается роль идеального типа пары, отношения в которой строятся на романтической любви. Пара без любви, опирающаяся на открытую констатацию этого факта, уже не требу-

ет «игры в любовь». Однако и это не исключает необходимости эмоциональной работы, обеспечивающей синхронизацию настроения и сексуального влечения.

Таким образом, каждая конкретная интимная пара представляет собой более или менее продолжительную череду ситуаций-спектаклей, неожиданных и стандартных. В них она формируется, воспроизводится, трансформируется и разрушается.

Институционализация пары

Механизм, обеспечивающий возникновение и воспроизводство неформальной интимной пары, создается двояким образом: снизу и сверху. *В первом случае* поступки превращаются в полуавтоматические практики. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман [Бергер, Лукман, 1995: 89–90], всякая человеческая деятельность подвергается опривычиванию. Любое повторяющееся действие становится образцом и обеспечивает экономию усилий.

Два индивида притираются друг к другу, что делает их взаимодействие предсказуемым. Этот внутренний свод правил приобретает надындивидуальный и принудительный характер: ему приходится подчиняться, даже если сейчас этого делать не хочется. Иначе говоря, принятые правила выше ситуативного желания. Конечно, нарушить согласованные правила можно, но это чревато тем, что так будет по-

ступать и партнер, а это порождает риск возврата от «Мы» к исходной фазе «Я» и «Ты», то есть дезинтеграции в форме индивидуализации. В результате притирки, согласования и опривычивания пишутся сценарии разнообразных ситуаций (посещения кафе, кинотеатра, прогулки, интимной близости, завтрака, приема друзей и т. д.), чередой которых и делает пару реальностью.

Во втором случае ценности и нормы заимствуются из окружающей культурной среды. Сценарии всех мыслимых спектаклей и сцен уже представлены в широком ассортименте в культуре. Их копирование опирается на веский аргумент: «так делают многие», «так принято», «это прилично, а это неприлично». При этом в культурной среде можно выделить два уровня. (1) Окружающие люди (наблюдаемые «все») – как друзья и знакомые, так и посторонние, находящиеся в поле видимости. Следование распространенным образцам минимизирует риск попадания в некомфортную ситуацию «белой вороны». (2) Герои массовой культуры (кинофильмов, телесериалов, книг, СМИ). Интернет делает виртуальную реальность всепроникающей, в результате чего физическое пространство теряет прежний смысл. Непосредственно наблюдаемым окружением становится множество обитателей социальных сетей, каналов, сайтов.

Массовая культура играет двоякую роль в процессе институционализации пары: она, с одной стороны, отражает существующие формы отношений и нравственные нормы,

а с другой – популяризует их, предоставляя веский аргумент из категории «так делают другие». Копируя образец с экрана, индивиды чувствуют, что они не одиноки, хотя для того, чтобы первыми повторить это в своей среде, надо обладать характером. Поиск оправдывающих аргументов ведется в двух направлениях: в пространстве («так делают многие») и во времени («так делали всегда»). Во втором случае действия получают веское оправдание с помощью традиции.

«1 + 1»: режим лояльности

Любая группа и общность предполагает свой режим лояльности – некое «гражданство» со своими почетными правами и обязанностями, – который обеспечивает сплочение членов группы, получающих привилегии на внутреннюю солидарность и взаимные обязательства, а также недопущение посторонних к ресурсам группы. Этот режим существует в виде статуса члена группы, включающего права, обязанности и социальные ожидания. Неформальная интимная пара не исключение.

Религиозные нормы иудаизма, христианства и ислама требуют строго блюсти супружескую верность. Седьмая библейская заповедь гласит: «Не прелюбодействуй». Из религии по тем или иным каналам эти нормы проникали в право и светскую мораль. Однако нет религиозных норм, регулирующих неформальные интимные пары и сожительства, ко-

торые самым фактом своей устойчивости ставят под сомнение авторитет священных норм. Соответственно, моральные принципы верности в таких парах уже не опираются на фундамент религии и традиции.

В европейских культурах на протяжении веков была незыблема формула пары: «один мужчина + одна женщина», ее обозначили как моногамию – «единобрачие». Применим ли этот термин к интимным парам? Да, если приписать слову иной смысл. Однако в любом случае формула «1 + 1», освященная традициями христианства, в настоящее время тяготеет к тому, чтобы описывать основные разновидности неформальных интимных пар.

Незыблемость морального принципа «1 + 1» сочетается с идущим через всю историю процессом расщепления морали и практической нравственности. Как отмечает Хелен Фишер, моногамия не обязательно предполагает верность, «моногамия и верность не являются синонимами» [Fisher, 1992: 63, 65]. В свое время более 50 % американцев, состоявших в браке, признались в наличии у них опыта адюльтера. Сравнительные этнографические исследования показывают, что в той или иной мере нарушения супружеской верности фиксируются во всех обществах [van den Berghe, 1979]. Что же говорить о гораздо более зыбких неформальных интимных парах?

Режим лояльности в неформальной интимной паре поддерживается несколькими механизмами.

1. *Уникальные свойства объекта.* Они часто появляются под влиянием сильного чувства любви (особенно в любовной страсти) и ставят этот объект вне конкуренции. Остальные просто не замечаются в качестве сексуальных объектов. Такое чувство выступает психическим механизмом поддержания верности и не нуждается в подкреплении религией и моралью. Объект любви исключителен, поэтому изменять ему просто не с кем. Однако и такое чувство не является безусловной гарантией от измен, спровоцированных ситуативными увлечениями.

2. *Одобренные членами интимного сообщества принципы.* С одной стороны, это принципы, на которых два индивида согласились быть вместе. С другой стороны, эти принципы не изобретаются с нуля, они существуют в культуре в форме как моральных предписаний, так и распространенных нравственных практик («так делают многие»).

Верность в интимной сфере опирается на два принципа.

Принцип собственности характерен для традиционных брачных союзов. Человек, вступивший в брак, воспринимается как собственность супруга. В архаичном варианте этот принцип асимметричен: субъектом собственности является только муж, в либеральном варианте супруги обладают паритетными правами собственников на тела, а в крайнем варианте – и на души друг друга. Этот принцип брачных отношений часто переносится и на неформализованные интимные пары. Идентификации «моя девушка» или «мой парень»

часто напоминают декларации собственников.

Принцип союза предполагает, что верность не безусловна. В каждом конкретном случае партнеры договариваются, что они будут понимать под верностью и где черта, которую нельзя переходить. Союз предполагает взаимные права и обязательства, которые реализуются в чередке житейских ситуаций через согласование интересов. За право претендовать на верность мало обладать идентичностью партнера – за нее надо бороться, доказывая, что ты достоин верности другого.

3. *Чувства, переживаемые как реакция на практику поддержания режима лояльности.* На одном полюсе находятся чувства удовлетворения, а то и восхищения, верностью партнера, на другом – негативные чувства как реакция на реальное или мнимое нарушение верности. Ядро этих чувств – ревность. Ревность может оказаться важным инструментом воспроизводства интимной пары как малой группы: она обеспечивает режим внутренней лояльности и поддерживает режим исключения посторонних из внутренней жизни пары, стремится минимизировать доступные ее членам альтернативы.

Чувство ревности можно разделить на два существенно разных вида.

Ревность как психофизиологическая реакция. Любящий человек мучительно переживает нарушение верности (реальное или мнимое). Ревность как продукт любви и/или

страсти приобретает иррациональные формы, что резко повышает вероятность получения результатов, к которым ревнующий в здравом уме никак не мог стремиться. Такая ревность часто взрывает социальную оболочку интимной пары. Иррациональная ревность превращает пару в клетку, порождающую естественное желание из нее выскочить.

Статусная ревность. Ее природа совершенно иная. Она часто возникает в ситуациях, когда о любви не может быть и речи. Это негативная реакция на угрозу социальному статусу: партнер, нарушающий принцип верности, «позорит», «подрывает репутацию», «бросает тень», «унижает». Это болезненная реакция на подрыв статуса: партнер по статусу должен быть верен, а в реальности таковым не является. Статусная позиция подвергается эрозии. В этом случае особенно важен фактор публичности: измена, совершенная в тайне от глаз публики, не очень страшна, а вот превращение ее в публичный факт делает ее трагедией. Такая ревность представляет собой переживание нарушения нормативных социальных отношений и по своей природе мало отличается от ревности вождя или начальника, заподозривших своих подопечных в нелояльности.

4. *Эмоции как вольная или невольная демонстрация переживаемой ревности и других сопутствующих чувств.* Если чувства переживаются, то эмоции проявляются. Это акт поведения [Ильин, 2016а]. Ревность как чувство – это сущность, которая является в открытых для интерпретации эмо-

циях. О чувстве ревности можно только догадываться, а ревность как эмоция – очевидный текст. При этом соотношение чувства и эмоции может быть различным: это и полное совпадение (что переживается в душе, то проявляется в выражении лица, словах, жестах, поступках), и полное их расщепление (эмоция имитирует отсутствующее чувство). Ревность как эмоция выступает средством коррекции поведения партнера. Она показывает: «Мне это не нравится, измени свое поведение!»

5. *Социальный контроль режима лояльности.* Его соблюдение далеко не всегда остается внутренним делом двоих. Часто окружающие озабочены судьбой пары, что выражается в разных формах контроля над соблюдением режима лояльности. Они наблюдают, явно или неявно осуждают нарушения, а то и информируют «обманутого» партнера о проблеме в паре.

6. *Санкции как позитивная или негативная реакция на поддержание и нарушение режима лояльности.* Санкции призваны сделать лояльность более выгодным поведением. Их репертуар очень широк: охлаждение отношений, ограничение доступа к ресурсам (телу, кредитной карте и т. д.), выяснение отношений в формах, доходящих до скандала, угрозы разрыва отношений и их реализация.

7. *Корректировка поведения.* «Нарушитель» по разным причинам старается избегать негативных санкций и корректирует свое поведение в сторону поддержания режима лоя-

альности. Главным аргументом в пользу такой корректировки является стремление сохранить пару – либо в оптимальном ее состоянии, либо в каком угодно. При этом корректировка поведения не имеет отношения к чувствам. Как пишут авторы книги «Секс и любовь в интимных отношениях», «честно говоря, для людей психологически невозможно сохранять чувства любви или сексуального влечения к определенной личности целую жизнь, однако индивиды вполне способны контролировать свои действия в этой сфере» [Firestone, Firestone, Catlett, 2006: 220].

8. *Ревность как исключение посторонних.* Это реакция на опасение, что кто-то чужой может вторгнуться в интимное пространство. Ревнующий предпринимает действия по изоляции жизни пары от потенциальной или реальной угрозы, разрывая или минимизируя опасные отношения. В то же время и партнер, к которому посторонние могут проявлять тот или иной интерес, стремится не давать повода для ревности и избегать «подозрительных» контактов с посторонними.

9. *Ревность как катализатор саморазрушения пары.* Это достаточно распространенный вариант. Срабатывает диалектическая логика: лучший способ потерять партнера – это фанатично бороться за его удержание с помощью ревности и контроля. Скандалы подрывают фундамент отношений, и когда это заходит слишком далеко, обнаруживается, что бывшего интимного сообщества уже нет, что чувства транс-

формировались в нечто совершенно иное, что издержки пребывания в паре перевешивают плюсы. В таком случае ревность дает противоположный результат, ускоряя процесс нарушения режима лояльности.

10. *Стигматизация неверности.* Отступления от принципа «1 + 1» в морали традиционно рассматриваются как тяжелое отклонение от основополагающей нормы. В русском языке оно обозначается с помощью тех же слов, что и опаснейшие государственные преступления, например «измена» или «предательство». Изначально эти понятия применялись только к нарушению режима семейной лояльности, но в настоящее время эта же терминология перенесена на все виды интимных пар.

По мере либерализации сексуальной жизни традиционная моральная норма, рассматривающая нарушение верности как тяжелое преступление перед партнером, сохранилась, но приобрела факультативный характер: можно ориентироваться на нее, а можно и на иные модели, в том числе предполагающие нормализацию отступлений от принципа «1 + 1» и наличие нескольких партнеров одновременно. Наблюдается тенденция превращения ранее однозначно аморальных образцов в допустимые стили жизни.

Среди них в последние годы начали привлекать внимание полиаморные сети и даже коммуны, существовавшие и ранее, но в основном в скрытом от глаз виде. Для них характерна модель отношений, при которой партнеры в интимной

пара соглашаются, что они могут иметь параллельно иные (второстепенные, дополнительные) сексуальные отношения, состоять одновременно в нескольких парах. Здесь нет измены, а есть нескрываемые от друг от друга открытые отношения с другими.

«Полиаморные пары» – это зонтичное понятие, обозначающее целый ряд различных стилей отношений. Американские психологи представляют такой взгляд на открытые интимные сообщества: «Мы полагаем, что наилучшая ситуация для индивидов в паре – это поддерживать свободу каждого партнера выбирать и не ограничивать другого навязыванием ненужных правил и ограничений. Когда партнеры соглашаются уважать и поддерживать свободу другого, это распространяется на все аспекты их жизни и будет вполне логично применимо и к сексуальной свободе. Наша точка зрения состоит в том, что установки собственнического инстинкта и претензии на то, чтобы владеть другим человеком, <...> представляют собой нарушение прав человека» [Firestone, Firestone, Catlett, 2006: 221]. В то же время, опираясь на эмпирические исследования, они признают, что реализация этих принципов оказывается очень сложной и даже невозможной не только для их противников, но и для пар, теоретически принимающих принцип открытости отношений [там же].

Личные качества индивидов и свойства пары

Социальная система, вырастая из взаимодействия элементов, обретает свойства, не присущие составляющим ее элементам. Однако это процесс диалектического снятия: новое качество сохраняет в себе в преобразованном и отфильтрованном виде часть свойств элементов. Качество автомобиля в существенной мере определяется качеством деталей, из которых он состоит. «Онтология социальной структуры зависит от онтологии человеческих индивидов», обладающих способностью быть причиной свойств социальной структуры [Elder-Vass, 2010: 86].

Интимная пара по сравнению с составляющими ее индивидами представляет собой качественно новую категорию. Пара – комплекс отношений, ценностей и норм, принимающих самые разнообразные формы. Выбор формы обусловливается характером, ценностными ориентациями и привычками объединяющихся в пару индивидов, состоянием их здоровья, социальным положением и т. д. Социально и культурно допустимые формы индивидуализируются в личном выборе и уникальной ситуации взаимной адаптации двух индивидов.

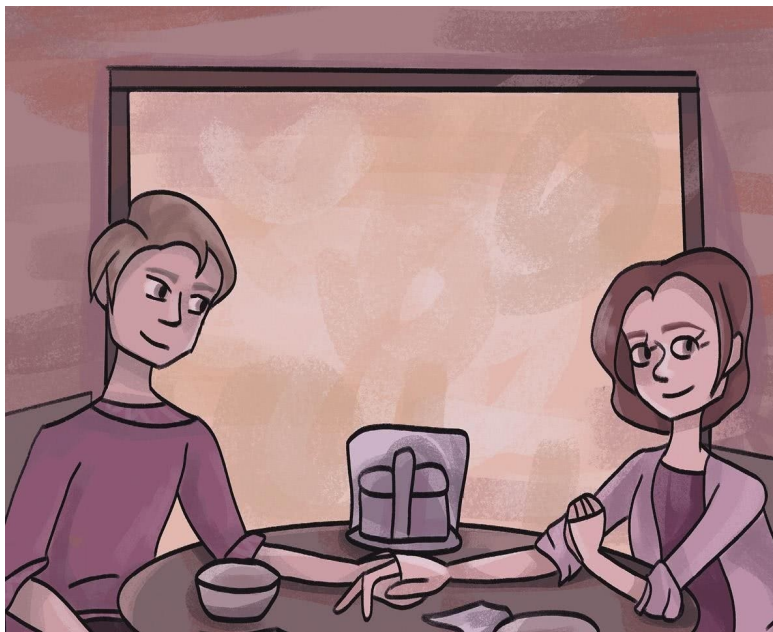
Как и в любом ином малом сообществе, ролевые отношения в интимной паре несут существенный отпечаток личностных особенностей исполнителей. Одну и ту же социаль-

ную роль разные индивиды могут и желают исполнять по-разному. Их отношение к партнеру вообще и в данной ситуации в частности, темперамент, умение контролировать свои чувства, ценностные ориентации, настроение, состояние здоровья, влияние ролевого фона (прочих ролей, исполняемых данным индивидом) и т. д. существенно влияют на отношения в паре как в ролевом комплексе.

Таким образом, формирование «текущей современности», проявляющееся во всех сферах жизни, захватывает и малые группы. Как показывают проводимые в разных странах опросы, неформальные интимные пары в форме гражданских браков и сожительства приобретают в общественном мнении статус «нормальных», «допустимых» и даже «обязательных» социальных институтов, тем самым превращаясь в реальную альтернативу некогда монопольному положению семьи. В такой паре возникают разнообразные механизмы поддержания внутренней интеграции и конструирования границы, отделяющей «Мы» от «Них». При этом интимная пара, в базе своей создаваемая для удовлетворения сексуального влечения в его физиологической и психической формах, превращается в комплекс социальных ролей, в социальную единицу как элемент социальной структуры общества.

Глава 2. Возникновение интимной пары

Под *интимной парой* в данной книге понимаются два человека, связанные личными отношениями, характеризующимися близостью, в том числе и эротической, доверительностью, привязанностью, открытостью по отношению друг

к другу и закрытостью для посторонних. Интимность основывается на дружбе и/или любви. Чаще всего интимность связывают с сексуальной близостью (впрочем, это лишь продукт рефлексии – результат дифференциации потока чувств, пропущенных через критерии культуры [Rosenberg, 1990]), однако принятое словоупотребление показывает, что интимность подразумевает более широкий круг отношений. Так, можно выделить несколько видов интимности: *телесную*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.